

Звереныш

Автор:

Евгений Щепетнов

Звереныш

Евгений Владимирович Щепетнов

Звереныш #1Новый фантастический боевик (Эксмо)

Жизнь переворачивается, когда на дом Адруса нападают. Смерть родителей и трюм рабовладельческого корабля капля за каплей вытравливают из него человека, и тот, кто приходит на смену, Звереныш, имеет лишь две цели: выжить и отомстить. Но для этого нужно стать самым сильным, несгибаемым и... жестоким. Этому его научат в Школе Псов, где даже слово «друг» нельзя воспринимать в прямом смысле. Адруса ждут испытания и кровавые бои, где нет места жалости, в них либо ты, либо тебя...

Евгений Щепетнов

Звереныш

© Щепетнов В., 2016

© ООО «Издательство «Эксмо», 2016

* * *

Евгений Владимирович Щепетнов – современный российский писатель, автор книг в жанре фантастики и фэнтези. Родился в 1961 году. Работал геологом и нефтяником, служил в милиции, был предпринимателем.

Писать начал в 2011 году, просто для души.

Профессионально занялся писательским ремеслом в 2012 году, в январе, выложив главы первой книги в стиле фэнтези на Самиздат. На конец 2015 года написано 39 книг, из них издано 30. Остальные ждут очереди в печать.

Хобби: кладоискательство, охота, дайвинг.

Глава 1

– Беги, сынок! Беги!

Она поудобнее перехватила тяжелый топор и с размаху опустила его на щит смуглолицего воина, с ухмылкой наблюдавшего за этой отчаянной попыткой.

Женщина была сильна и довольно красива – высокая, светловолосая, крепкая. Хорошая рабыня! Потому воин и не спешил ее убивать. Зачем? Это деньги! Хорошие деньги! Люди народа ростов ценились в Империи Занусс – выносливые, сильные, вот только строптивые. Но зануссы умели обламывать рабов. Женщины хороши – статные, высокие, белые – и ценятся смуглыми зануссами, любителями экзотики!

Мальчишка? Да пусть бежит. Куда он денется? Застыл, как мышь перед змеей...

– Сынок, беги! Беги! И не забудь, что ты рост! Помни свой народ! Помни нас с папой!

Женщина снова нанесла прямой удар, но в последний момент, как опытный воин, переменила направление движения и с силой ударила в наголенник воина,

смяв его и прорубив до самой кожи. Если бы воин не успел отдернуть ногу – она бы сейчас валялась на земле, и участь одноногого бойца была бы незавидна – и это в тридцать лет...

Ярость убийцы застила глаза воину, и все мысли о том, что эта ростийка ценна как товар, вылетели, будто выметенные морским ветром – осталось лишь желание убить.

Умелый и сильный боец бросился вперед – удар тонким, длинным мечом – и древко топора перерублено пополам!

Еще удар!

Голова женщины слетела с плеч, покатила по земле, остановившись у ноги мальчишки, так и стоящего столбом, будто его парализовало. Длинные светлые волосы матери легли на стоптанный мягкий башмак. Мальчишка опустил голову и с недоумением посмотрел на голову той, кто еще сегодня утром нарезала хлеб, трепала его по голове и смеялась, вспоминая, как вчера он свалился с причала, торопясь запрыгнуть в лодку к отцу, который сейчас лежал со стрелой в груди и старым мечом в руке у порога дома.

Отец не успел никого убить. Впрочем, как и многие из односельчан, павших в неравной борьбе с захватчиками.

Росты были сильными и смелыми людьми – тот, кто выходит в море, не может быть трусом, – море не любит трусливых. Но что они могли против людей, которые сделали разбой, убийство и войну своим главным в жизни делом? Закованные в металл, тренированные, умелые зануссы легко справлялись с рыбаками и охотниками. Потери захватчиков были совсем малы, и они оправдывали себя. Каждый из тех, кто доживет до конца похода, получит приличную сумму звонкого серебра, достаточную для того, чтобы безбедно прожить не один месяц, а если жить скромно – то и год. Риск? А что такое жизнь без риска?! Воин должен рисковать! И когда он погибнет, то упокоится в чертогах бога войны, и ему будут прислуживать все враги, которых воин убил за время своей короткой, но яркой жизни. Стыдно умирать в постели седым стариком! Жить нужно ярко и так, чтобы враги выли от ярости и боли, а друзья кричали и славили!

Воин плюнул на труп женщины и, прихрамывая, подошел к мальчишке. Протянул руку, чтобы схватить за шиворот, но тот внезапно ожил, будто с него сняли заклятие, и с яростным визгом вцепился в руку мужчины, прокусив ее выше запястья, между стальной перчаткой и налокотником, так, что брызнула кровь.

Занусс от неожиданности завопил, замахнулся мечом, но тут же одумался и ударил пацана рукоятью меча, вырубив его так же верно, как если бы ударил булыжником из фундамента рыбацкой хижины. Но даже сейчас мальчишка, уже в беспамятстве, не отпускал руку врага, и тот кривился от боли, пытаясь разжать челюсти подростку. Через пару секунд воин достал кинжал, замахнулся, чтобы рассечь зверенышу шею, но был остановлен резким окриком:

– Стоять! Бас, ты спятил?! Мальчишка крепкий, шустрый, нам такие нужны! Зажми ему за ушами, и все! Не знаешь, как справиться с рабом?! Что ты за воин? Будешь оштрафован на пять монет за глупость!

Высокий могучий воин со знаком сотника укоризненно покачал головой, пошел дальше, но вдруг остановился:

– Я прослежу, чтобы он был на корабле! Смотри, допрыгаешься! От тебя много смертей, но мало пленных. Похоже, ты не очень-то заботишься о том, чтобы заработать, и заработком товарищей не озабочен! Я подумаю над этим. Эту женщину можно было и не убивать – ты разучился драться? Не знаешь, как разоружить какую-то селянку? Она стоит денег, а ты отрубил ей башку! Дурак!

Сотник ушел, а воин все еще стоял над лежащим в беспамятстве мальчиком и, намазывая мазью рваную рану, с бессильной яростью думал о том, что когда-нибудь заработает достаточно денег, чтобы уйти из ловцов, и тогда ни один урод не будет отдавать ему приказы! А еще купит себе парочку ростов и будет творить с ними все, что захочет! Они ответят за свою строптивость!

Бас воровато посмотрел по сторонам и вдруг сильно пнул мальчишку в бок. В животе мальчугана что-то хлюпнуло, и он застонал, внезапно очнувшись. Тогда ловец пнул еще и в голову, стараясь бить так, чтобы не осталось следа.

– Пошел!

Воин схватил мальчика за шиворот, грубо поднял, поставил на ноги и толкнул туда, где уже собирали оставшихся в живых жителей селения. Их было сотни полторы или две, в основном дети. Были и взрослые – большинство из них симпатичные женщины. Их деловито вязали цепочками, друг за другом, и переправляли на корабль. Туда же отправлялось все ценное, что можно было найти у этого нищего народца, живущего рыболовством и охотой – мечи, топоры, одежда, шкуры – все мало-мальски пригодное для продажи. Рачительный хозяин не должен бросать на дороге и медяк – из медяков складывается серебро, из серебра – золото.

Взрослых мужчин в плену не было. Росты мало того что отчаянно сопротивлялись, они были ко всему прочему неуправляемы, упрямы, часто бунтовали. Так что всех мужчин старше четырнадцати лет обычно убивали на месте. Лучше взять десятилетнего мальчишку, воспитать его как следует, и тогда он вырастет настоящим воином – бесстрашным, жестоким, верным Империи до последней капли крови. Для этого есть особые методы – Империя умеет дрессировать своих «псов».

По большому счету сотник был прав – этот мальчишка стоит хороших денег и Корпус Псов заплатит полновесной монетой за щенка, но... все равно обидно.

Бас решил: хватит уже этой работы. Деньги есть, после похода еще дадут, так что можно заняться тем, чем хочется – открыть свое дело, торговать, завести семью. Достаточно рисковать жизнью – тридцать лет уже, а ни семьи, ни детей... только тесные, вонючие, пропахшие грязным бельем каюты, трактиры и бордели с пахнущими дешевым вином шлюхами. Все! Решено! Увольняться!

Занусс довольно кивнул головой и поспешил туда, где распоряжался сотник – нужно было показаться, сделать вид, что трудится в поте лица, иначе опять оштрафует, скажет, что не работал. А Басу теперь каждая монета в дело.

Всего через два часа рабы были рассортированы и загружены в трюмы – женщины и девочки отдельно от мальчиков. Огромный трехмачтовый корабль мог вместить приличное количество воинов и несколько сотен рабов, размещенных в нескольких отсеках.

Условия содержания, мягко сказать, нелегкие. Процент отсева был довольно высок – от двадцати до пятидесяти процентов, и зависел он от многих

обстоятельств – погоды, например, а еще от того, в чьи руки попали эти люди.

Мастеров-ловцов можно было бы условно разделить на две группы – в первую входили те, кто старался сохранить максимальное количество пойманных людей. Они предоставляли «овцам» более щадящие условия – вдоволь воды, достаточно еды, чтобы не отнимали ее у соседей по плену.

Во вторую группу входили те ловцы, которые считали, что тяжелые условия содержания «овец» позволяют отсеять слабых, оставляя тех, кто наиболее силен, а значит – ставит бо́льшую цену при продаже. Ведь это более качественный товар!

Оба метода имели свои плюсы и минусы. Первая группа меньше работала, быстро забивая трюмы и сразу уходя в море, домой. Однако их рабы стоили дешевле, ведь среди них был больший процент слабых.

Вторая группа затрачивала на подбор груза намного больше времени и сил, однако их «овцы» больше стоили на рынке, ведь покупатели знали, что если рабы выжили при перевозке, то вынесут любые условия, потому что хуже тех, что в трюме корабля рабовладельцев, быть не может.

Конечно, и та и другая группа сразу же отделяли особо ценных рабов, помещая их в элитный загон. Вернее, не рабов, а рабынь – красивых девушек, женщин, девочек. Совсем маленьких не брали – они гарантированно умрут. «Мелкоту» обычно убивали, чтобы своими воплями не испортили настроение. Или же просто бросали умирать в разоренном селении. До них никому не было дела.

Та команда ловцов, что высадилась в прибрежном селении ростов, принадлежала ко второй группе ловцов, но даже среди них мастер Джубокс отличался жесткостью, о которой ходили легенды. Удачливый, смелый, он всегда знал, куда нужно направить свой черный, пахнущий смертью и нечистотами корабль, наводивший ужас на побережья всего Северного материка. Будто бог войны подсказывал этому квадратному обезьяноподобному коротышке то селение, в котором есть ценные рабы и мало воинов, способных оказать достойное сопротивление.

Удача? Чутье? Может быть. Но в любом случае одного-двух походов в год хватало, чтобы этот человек жил безбедно в великой Империи Занусс, любимой

богами, протянувшейся почти на половину огромного Южного материка.

Работоторговля приносила огромную прибыль. Хватало всем – и мастеру ловцов, и его воинам, охотно нанимающихся в экспедицию, зная, что внакладе не останутся. Империя процветала, и не в малой степени в результате того, что многое в ней производилось руками рабов – разумных механизмов, которые всегда можно заменить на другие. Если понадобится, конечно. И эти механизмы еще и сами размножались, что немаловажно.

* * *

Он проснулся от боли. Кто-то укусил за ногу так, что боль пронзила до самого сердца. Мальчик застонал, потянулся к ноге, чтобы обнаружить кровоточащую ранку и зажать ее грязной ладонью – совершенно инстинктивно, рефлекторно, как моргает глаз или вздрагивает тело, получив удар кожаным бичом.

Мальчик теперь знал, каково это, получить удар бичом. Это сродни тому, как если бы к коже приложили раскаленный клинок. Вспухает красная полоса, сочится кровь, на которую тут же слетаются мухи. А если уснуть, то на запах окровавленного мяса сбегаются голодные крысы, и тогда все еще хуже. Гораздо хуже. Вот как сейчас – крыса разорвала кожу, добираясь до сладкой плоти мальчугана.

Ему было уже четырнадцать, но выглядел он младше своих лет, что частенько расстраивало мальчугана до слез. Он не был слабым, скорее наоборот – жилистый, сильный, парнишка был сильнее многих сверстников, но на вид ему было одиннадцать-двенадцать, к тому же мал ростом... на улице не очень таких любили. Маменькин сыночек – самое безобидное определение, которое мог услышать мальчишка. И слышал.

Они плыли уже месяц. Вначале корабль прошел вдоль побережья, покрыв кровью и пеплом суровые северные скалы на несколько дней пути, а потом, нагруженный до предела, ушел на юг, возвращаясь туда, откуда никому из рабов никогда больше не вернуться, растворяясь в земле чужого материка, обращаясь в прах, как и все существа на этом свете. Только с одним отличием: южане уходили в землю своей родины, рабы же – в чужую, вражескую, мерзкую землю, ненавидимую всеми клеточками их истерзанных тел.

Впрочем, часть рабов, в конце концов, становилась подданными Империи. Свободными. Но добиться этого было очень трудно. Как может раб заплатить выкуп, если он ничего не получает за свою работу? Как может выкупиться топор, или лопата, или метла – суть инструменты, делающие жизнь человека более комфортной? Ведь раб на самом деле – тот же инструмент, только разумный. Никак не человек.

Мальчик сел, опершись на стену, посмотрел по сторонам, тяжело дыша и морщась от боли. В полумраке трюма лежали, сидели, стояли десятки мальчишек разного возраста, примерно от десяти до пятнадцати лет. Голодные, грязные, многие из них были больны, покрыты нарывами и воспалившимися ранами. Время от времени в трюм спускали едкую вонючую мазь, которой нужно было мазать свои болячки – надсмотрщик строго следил, чтобы раны были смазаны. Не потому, что ему было жаль подростков, – товар не должен пропасть зря.

Те, кто не хотел мазаться гадкой мазью, тут же понимали, что от их желаний уже ничего не зависит, а их мнение никому не интересно. Не хочешь мазать – получи удар бичом, да так, что кровь брызнет из-под нежной, привыкшей к материнским ладоням кожи. И ничего не поможет – ни слезы, ни мольбы, а тем более угрозы. В первый же день смелого мальчика, который пообещал зарезать надсмотрщика как барана, заporоли до смерти, оставив труп лежать прямо в трюме, среди живых.

Мертвец лежал трое суток, раздувшись от жары и почернев до неузнаваемости. Это был первый урок строптивым рабам.

Второй урок они получили тогда, когда им впервые выдали еду. Это были засохшие лепешки и вареные плоды патата – пищу спустили в трюм в больших корзинах, не разделенную на порции. Просто корзины, лепешки и пататы. Успеешь, сумеешь отнять у голодных соперников – будешь жить. Не сумеешь – без еды ослабеешь и пойдешь на корм рыбам, а прежде – трюмным крысам, толпами бегающим по желобам вдоль стены.

Первую раздачу мальчик пропустил, не успел – те, кто оказался ближе, расхватали еду, и он остался ни с чем. На второй день он решил: «Я должен жить! Я должен отомстить тому, кто убил моих родителей! Я должен есть, чтобы отомстить! Я должен выжить во что бы то ни стало!»

И мальчик забыл свое имя. Он превратился в одного из зверьков, тварей, как их называли рабовладельцы. Мальчик был готов убивать – ради еды, ради воды, ради возможности остаться в живых.

Он не задумывался, что с ним будет дальше – что будет, то и будет. Главное – кусок лепешки, разваренный патат, сухое место под люком, в который опускают еду и воду. И мальчик дрался. Жестоко, так, как дерутся звери – с визгом, с яростью, пуская пену, как одержимый воин.

После первых же стычек остальные дети убедились, что с ним лучше не связываться – пусть возьмет то, что ему нужно, тем более что Щенок много не брал, только то, что ему было необходимо. Если бы он зарвался, набирал себе полные руки еды и потом чавкал в одиночестве – его бы давно попытались убить. Но то ли мальчик был очень умен, то ли инстинкт самосохранения его не подводил, но он брал по минимуму – одну лепешку, пару пататов, не более того.

Удар бичом Щенок получил после того, как яростно рыкнул на надсмотрщика, что спихнул его в сторону, когда мальчик в очередной раз потянулся к корзине с едой. Рык вышел неосознанно, как если бы кто-то попытался отнять еду у сторожевой собаки.

Бичом – это было очень больно, обидно, но Щенок сдержал себя. Он должен выжить. Должен отомстить. Должен. Он – рост! «Не забывай, ты – рост!» – сказала мама. И мальчик не забывал.

Что губит людей, попавших в беду, когда весь мир ополчается против них? Болезни, голод, раны – это само собой. Но еще – отчаяние. Чувство того, что все потеряно, все пропало, и больше ничего не будет.

Что можно противопоставить отчаянию? Идею. Уцепиться за нее, вбить себе в голову, заставить себя поверить.

Во что верил Щенок? В то, что когда-нибудь он найдет подонка, убившего его мать и отца, и выдавит ему глаза. А потом отрежет уши. Пальцы. Будет медленно резать на части, не позволяя умереть до тех пор, пока не превратит в кусок мяса, пригодный лишь для жаркого.

Он видел эту картину, он жил ею, ложился спать и просыпался с мечтой о расправе над этим человеком.

Мальчик хорошо запомнил его лицо – темное, узкое, хищное. Воин двигался, как танцор – высокий, плечистый, но быстрый, как молния. Конический шлем не закрывал лица – стальная полоска спускалась по носу, открывая темные глаза, которые смотрели весело, с вызовом, бесстрашно. Да и чего ему бояться, или, вернее, – кого? Женщину с плотницким топором в руках? Маму, защищающую своего сына, застывшего от страха на месте, будто его приковали стальными цепями?

Больше всего мальчик ненавидел самого себя. Если бы ему тогда удалось сбежать, возможно, мама осталась бы жива. Но он не смог. Ноги отказались нести его худое трусливое тело. И какая разница, что бы потом случилось с мамой – главное, она была бы жива. И была бы надежда ее увидеть, освободить.

Теперь – лишь месть.

Он не рассуждал, откуда взялся этот воин, кто его сюда привез и зачем. Мальчик видел лишь лицо матери, золотистые волосы и открытые голубые глаза, которые смотрели в небо, удивленно, будто не понимая, как это случилось.

От страшного нервного потрясения, ударов по голове, из-за которых его постоянно мучила боль, мальчик практически сошел с ума. Он забыл всю прошлую жизнь, не узнавал тех, кто жил с ним в одной деревне, даже имени своего не помнил. Вся его жизнь, все воспоминания ограничились боем у родительского дома и этим трюмом, адом для невинных существ, никак не заслуживших такую судьбу.

Щенок решил, что быть зверем проще. Было ли это защитной реакцией организма или чем-то иным, но это помогало. Да. Больше не было ни слез, ни стенаний, лишь готовность рвать, кусать, бить, грызть любого, кто покусится на его жизнь.

Любого? Пожалуй, нет... Надсмотрщик и ловцы вооружены и опасны – их трогать нельзя. Урезанный до инстинктов мозг знал это великолепно.

Каждая раздача еды в загоне для мальчиков была развлечением, зрелищем, развеивающим скуку дальнего путешествия. Работоторговцы заранее готовились, делали ставки, и когда рабы-уборщики спускали корзины, с жадностью смотрели на то, как доведенные до отчаяния маленькие человечки рвут друг друга, пытаясь отсрочить неизбежную смерть.

То, что смерть витает рядом, было ясно с самого начала – каждый день за борт отправлялись несколько трупов. Туда, где в воде мелькали плавники зубастых существ, следующих за кораблем работоторговцев так, будто это была огромная передвижная кормушка.

Щенка заметили сразу. После того как он, впад в боевое безумие, разбросал нескольких своих товарищей по несчастью и вцепился одному из них зубами прямо в горло, его и прозвали Щенком. Можно сказать, это было повышение – из «овец» в «щенки». Ведь на самом деле «щенками» называли новобранцев Корпуса Имперских Псов, элитного подразделения имперской гвардии, подчиняющегося непосредственно Императору.

Все гвардейцы Корпуса были воспитаны из «щенков», маленьких рабов. Этим рабам вытравляли все воспоминания о том, что они принадлежали к другим народам, воспоминания о семье, обо всем, что составляло их жизнь до того, как дети попадали в Корпус. После нескольких лет обучения из Школы Псов выходили безжалостные тренированные убийцы, преданные Императору до последней капли крови, готовые вспороть себе живот и развешать кишки по ветвям деревьев, если Император пожелает это увидеть.

Чем достигалась такая верность? Какими способами, методами? Это был секрет. Но то, что вернее Псов не было никого на свете, знал каждый человек в Империи: от нищего на Привратной площади до Главного казначея, финансового «императора» Занусса, через которого шли все денежные потоки огромной Империи.

Мальчишка, который способен отвоевать себе место у кормушки, не мог не вызвать уважительного отношения, как вызывает уважение бойцовая собака, успешно грызущая своих соперников. Ловцы, грубые и жестокие люди, живущие насилем и убийствами, ценили тех, кто выказывал такие же, как у них, способности. Это не означало, что они вдруг полюбили Щенка – совсем нет, он был и остался животным, предназначенным для продажи, однако животным, поднявшимся на другую ступеньку социальной лестницы, если такое понятие

можно применить к рабам. Кроме того – цена на него возросла. Хороший боец стоит дорого.

* * *

– Мастер, парни просят устроить развлечение. – Сотник почтительно поклонился работорговцу, разглядывающему старый свиток, на котором виднелись следы окровавленных пальцев. Кровь давно высохла, стала коричневой, но отпечатки навечно въелись в древний пергамент.

– Не много ли вам развлечений? Вы мне так весь товар поувечите! Девки денег стоят, а вам только дай, животные! Узнаю, что вы попортили девственниц или изувечили ценных рабынь, не то что жалованья лишу – голову срублю!

– Мастер, ты не понял. Они не просят девок, они хотят развлечься боями! Хотят делать ставки! Честно сказать, от безделья наши придурки уже с ума сходят. Того и гляди передерутся, перережут друг другу глотки. Может, позволим? Как обычно, голыми кулаками, не до смерти.

– Какое там не до смерти? Каждый раз мы недосчитываемся десятка «овец»!

– Мастер, они так и так подохнут, а мы будем знать, кто из «овец» стоит денег. Ребята просят... пусть развлекаются?

Работорговец отложил свиток, задумался – плыть до порта еще две недели, и это при попутном ветре. Корабль устойчив, крепок, не боится штормов, но вот скорости не хватало – это не имперский крейсер, который прыгает по волнам, как запущенный рукой мальчишки голыш.

За две недели можно получить достаточное количество неприятностей от взбесившихся от безделья бойцов. Человек – такая скотина – если его не занять делом, обязательно найдет время для пакостей. Как от этого удержать? Загрузить работой до полного изнеможения, или же дать возможность развлечься.

Во все времена так было – дай черни лепешку, дай посмотреть на то, как два придурка режут друг друга на потеху толпе – и вот гарантия, что эта самая

чернь не бросится на представителя власти с ножом, ведь все, что они хотели, – получили. Хлеб и зрелища – вот секрет долгого и спокойного правления.

Нынешний Император знал это лучше, чем кто-либо, потому частенько устраивал праздники для городской черни, выставляя бесплатное угощение, устраивая резню на главной арене столицы. Арена и ставки въелись в кровь имперцев, и, как наркоманы, лишённые очередной дозы кровавых зрелищ, они начинали волноваться, бунтовать до тех пор, пока очередная порция не поступит в их отравленный азартом мозг.

Мастер все это прекрасно знал – не первый год водил экспедиции за океан. Хитрый, беспринципный, но умный, он чувствовал, когда нужно прижать подчиненных, а когда ослабить хватку.

Впрочем, он и сам был имперцем до мозга костей, и так же, как и все, обожал поединки на арене и все с этим связанное: азарт, кровь, рев толпы и радость от выигранной ставки. С одной стороны, губить пленников не хотелось, с другой – погибнет какая-то часть, ну и что? Зато оставшиеся будут в два раза дороже, чем хилые, выбракованные особи. Кроме того, бой все равно без оружия, так что вероятность гибели невелика.

– Хорошо. Я согласен. Могут смотреть все свободные от вахты. Бой без оружия, останавливаем по сигналу, чтобы не было излишнего отсева «овец».

– Хорошо, мастер! – удовлетворенно кивнул сотник. – Я сообщу ребятам. Ты будешь смотреть на бои?

– Конечно, буду! – усмехнулся Джубокс, с видимым облегчением откладывая свиток подальше от края стола. – Я что, не мужчина? Выдай ребятам по кружке пива ради такого случая. Вычтешь из жалованья, скажи казначею. И вот еще что – пусть лекарь будет наготове.

Сотник отсалютовал, вышел, а мастер откинулся на спинку кресла и улыбнулся – действительно, скука долгого путешествия достала. Море, море и море – каждый день, каждый час, каждую секунду... ничего нового, волнующего, развеивающего скуку. Даже шторма уже давно нет, хотя редко бывало так, чтобы во время перехода корабль хотя бы раз как следует не покачался на штормовой волне. Легкий ровный ветер весело и без проблем гнал корабль

вперед, туда, где его ждал отдых у портового причала.

* * *

Щенок вздрогнул и открыл глаза, будто и не спал. За решетчатым люком, через который в трюм поступал воздух, возникло какое-то движение, затопотали множество ног, слышался смех и крики. Любое изменение обстановки вокруг беспокоило Щенка, оно всегда означало что-то плохое, могло привести к смерти. Смерть не значилась в планах мальчишки, если такие планы вообще существовали.

Насторожившись, он сел на корточки, осмотрелся по сторонам. Все потенциально опасные существа находились на расстоянии, никто не подкрался, никто не попытался нарушить его уединение. Как вчера, когда группа подростков решила свергнуть звереныша с его «пьедестала». Они скопом набросились на Щенка, и если бы не надсмотрщик, ударами бича разогнавший агрессоров, неизвестно, чем закончилось бы это нападение. Впрочем, известно чем, скорее всего, они задушили бы мальчишку, а труп бросили к стене, на решетку стока, под которой бегали голодные крысы. При всей своей ловкости, крепости и жестокости Щенок не смог эффективно сопротивляться озверевшей толпе. Он покусал троих, сломал нос одному и вывихнул руку другому, но, в конце концов, оказался прижат к настилу телами пыхтящих, разгоряченных, потерявших человеческий облик подростков. В тесноте трюма нельзя было бежать, здесь имели значение грубая сила и вес. А веса у десятка зверенышей было более чем достаточно.

Щенок запомнил их лица. Что-что, а память на лица у него была великолепной, видимо, как компенсация за потерю памяти о прошлой жизни.

Добираясь до шеи ненавистного «безумца», подростки вопили что-то вроде: «Убей его! Убей безумного!» – это и привлекло внимание хозяев, прекративших безобразия. Щенок отделался несколькими ранами, синяками и едва не получил перелом носовых хрящей, когда предводитель «мстителей» ударил его головой прямо в лицо.

Дежурный надсмотрщик раздал всем «горячих», толпа разбежалась, и теперь подростки с ненавистью взирали из темноты на ускользнувшую от расправы жертву.

Зачем они напали? С какой целью? Не трогали месяц и вдруг решили напасть – почему? Щенок не задумывался над этой проблемой. Он вообще не хотел думать. Подростки, которые напали, скорее всего, тоже не смогли бы ответить на этот вопрос четко и ясно, но все и так было понятно. Как и всегда, в стае зверей выделились вожаки, которые управляли группами своих подчиненных. И как всегда, эти вожаки желали себе лучших условий – больше еды, больше свежего воздуха, а еще – хоть немного солнца, лучи которого иногда все-таки пробивались сквозь толстую деревянную решетку и освещали пространство под люком.

На этом светлом лоскуте и сидел Щенок, занимая слишком много места, так как не позволял другим приблизиться на расстояние вытянутой руки и набрасывался на того, кто осмеливался нарушить границу. Как можно было это терпеть?

Вот и попытались. Но попытка не удалась. Увы, для них.

Люк поднялся, по лестнице загромыхали ноги надсмотрщиков, одетых в кожаные жилеты и штаны, которые с трудом брал даже нож. В руках бичи, которыми оба мужчины владели в совершенстве – при желании каждый из этих мускулистых бессердечных тварей мог одним ударом убить или покалечить любого из рабов, что уж говорить об изможденных плаванием подростках. Но, даже учитывая это, надсмотрщики были настороже – они слишком хорошо знали, какие силы просыпаются в отчаявшихся, готовых на все людях, и не собирались подвергать свою жизнь малейшей опасности. Не за то им платят деньги, чтобы сложить голову где-то в вонючем трюме.

– Ты! И ты! И ты! И еще – ты! И вы! Пошли наверх! Быстро, быстро, твари!

Надсмотрщик хлопнул бичом. Звук был таким резким, громким, как если бы кто-то ударил палкой по борту рыбацкой лодки. Щенок в прошлой жизни любил так постучать, особенно когда отец не видел хулигана и тихо-мирно занимался ремонтом сланей. Он возмущался, ругался, грозил Щенку кулаком, но тот видел, что глаза отца смеялись – это была игра, и оба получали от нее удовольствие.

Выбросив из головы внезапно всплывшую картинку воспоминаний, Щенок поднялся и пошел к лестнице, оскалившись, как зверь. Те, кого назвал надсмотрщик, были из числа вчерашних агрессоров. Рабовладельцы знали, что делают. Как заставить мальчишек драться между собой? Как устроить бой –

настоящий бой, не имитацию, не возню детишек? Нужно сравнить между собой тех, кто ненавидит друг друга. Тех, кто готов порвать за нанесенные обиды.

Работоторговцы ошибались. Щенок своих обидчиков не ненавидел. Он вообще теперь не понимал этого слова. Оно слишком человеческое, слишком сложное для понимания зверя. Щенок запомнил лица, и его мозг знал – эти люди опасны, их надо остерегаться, и если подойдут близко, нужно постараться убить.

Наоборот, те, кто на него напал, ненавидели проклятого «товарища» – мало того, что он не позволил себя убить и нанес им раны, так они еще и пострадали от бича надсмотрщика, покрывшего их тела кровоточащими полосами.

В общем-то, на то и был расчет. Если тебе предоставляют возможность наказать соперника, да еще за это дают еды и воды – почему бы не потешить толпу?

Солнце слепило глаза, ощупывало истосковавшихся по воле подростков горячими лапами, тут же высушив выступивший пот. Мальчишки жались друг к другу, испуганно глядя на вопящих, разгоряченных выпивкой и азартом мужчин. Те были везде – на палубе, на снастях мачт, на сетке, закрывающей борта корабля на высоту полутора человеческих ростов, – рабовладельцы знали, как сберечь груз и не допускали возможности того, что отчаявшийся и обезумевший раб бросится к борту и спрыгнет в воду, в призрачной надежде уйти вплавь, спастись от страшной жизни. Шансов на это не было никаких – в воде поджидали чудовища-людоеды, но даже этот исход часто казался привлекательнее, чем медленное умирание в вонючем трюме.

Мастер почесал подбородок, посмотрел на грязных, подслеповато моргающих мальчуганов и произнес короткую речь, из которой следовало, что жалкие трюмные крысы, предназначенные на корм морским тварям, имеют шанс продлить свою жалкую жизнь, получив лишний кусок лепешки и не получив порции порки бичом, в том случае, если будут хорошо драться.

Язык ростов и зануссов почти не отличался друг от друга – за исключением специфических выражений, присущих той или иной местности. Некоторые ученые мужи были уверены, что Бог-Создатель сотворил всю твердь единой, и лишь потом, когда рассердился на поведение созданных им людей, разделил материки на два, ударив по тверди своим всеокрушающим кулаком. Земля раскололась, и образовались Южный и Северный материк, а также огромное

множество островов разного размера, разбросанных по всему океану.

Эта гипотеза объясняла тот факт, что язык по всему миру был един, как некогда были едины все люди.

Зануссы в основной своей массе считали такое утверждение ложным – не могут «овцы» быть равными «настоящим» людям. Настоящие, само собой разумеется, зануссы. Остальные – разумные животные, потенциальные рабы.

Впрочем, зануссы в этом не отличались от своих соседей, королевства Ангир, занимавшего больше четверти Южного материка. Как для зануссов, так и для ангирцев весь мир существовал лишь для того, чтобы поставлять этим двум рабовладельческим государствам бесконечное количество рабов, на труде которых основывалось все их благосостояние. Некогда империя Занусс и королевство Ангир были единым целым, пока империю не расколола гражданская война, ввергнувшая государство в кровавый хаос. Это произошло около тысячи лет назад и вошло в историю как Темные века.

Империя давно бы уже поглотила соседа, если бы не одно обстоятельство – обе стороны обладали сильными армиями, способными эффективно противостоять любому агрессору. Вялотекущая война не прекращалась ни на день уже тысячу лет с переменным успехом, но никто так и не смог добиться ощутимого перевеса. Пограничные конфликты, вылазки отрядов мародеров – все это было, есть и будет, пока существуют два «брата», искренне и давно ненавидящие друг друга. Тысячелетняя вражда впиталась в кровь, и, чтобы удалить этот яд, пропитавший мозги людей, требовалось время и смена поколений. Множества поколений. Но для этого нужно, чтобы война наконец-то закончилась... а ей не видно конца.

Щенок стоял чуть поодаль от остальных, на расстоянии вытянутой руки от своих «товарищей». Он не верил никому. Все враги! Все! И эти маленькие твари, которые едва не добрались до его шеи, и эти грохочущие, орущие, смеющиеся негодяи, радостно улюлюкающие, показывая пальцами на несчастных, трясущихся от страха детей.

Если бы Щенок мог убивать взглядом! Если бы мог... Трупы, трупы и трупы – вот во что превратился бы этот корабль! И тогда можно умереть. Цель достигнута, а раз она достигнута – зачем жить?

– Он что, ненормальный? – Мастер показал на Щенка, и сотник улыбнулся уголками рта.

– Может быть. Ребята говорят – это настоящий звереныш. Они прозвали его Щенком. Его боятся все «овцы», и даже надсмотрщики опасаются. Говорят – от него мороз по коже. Как посмотрит... кажется, сейчас вцепится и перекусит жилу... лекарь не успеет – истечешь кровью. Вчера «овцы» хотели его задушить, так он нескольких порвал, перекусал – еле оторвали. Если не сдохнет на обучении – у него большое будущее. Он стоит хороших денег. Это будет настоящий Пес. Корпус отсыплет нам звонких монет.

– Ты думаешь? – Мастер с сомнением осмотрел заморыша, напряженно оглядывающегося по сторонам. – По его лицу не видно, чтобы парень был особо разумным. По-моему, он просто спятил. Я уже сталкивался с подобным сумасшествием – люди превращаются в диких зверей, теряют способность обучаться. Они неконтролируемы, а это не просто минус к цене, это ноль. Пустота. Смерть. Таких легче убить. Затраты на их обучение слишком велики, несравнимы со стоимостью этого жалкого тела. Я склоняюсь к тому, чтобы уничтожить этот бесполезный балласт. Не он первый, не он последний. Что ждать от овцы, которая не боится погонщика? Посмотри – он ведь не боится! Вернее – боится, но не так, понимаешь?

– Честно сказать, не понимаю, мастер. Объяснишь?

Сотник почтительно склонился к низкорослому рабовладельцу и замер в ожидании. Он очень уважал и побаивался этого смешного на первый взгляд несуразного крепыша, заросшего черной шерстью по самые брови. Казалось – что, кроме ума, может противопоставить силе этот коротышка? Но сотник знал, как нечеловечески силен мастер Джубокс. А еще мастер великолепно владел любыми видами оружия и мог победить практически любого из их экспедиционной команды, да и нескольких сразу.

Мастер никогда не жалел побежденных. Тот, кто заступал его дорогу, должен был умереть.

И мало кто осмеливался это делать.

Джубокс, прищурившись, посмотрел на Щенка, подумал, слегка покачал головой:

– Посмотри на него внимательно. То, что он спятил, – это временно. Скорее всего, временно. Внешне это обычный подросток, он боится, оглядывается, ожидая подвоха. Но при всем этом смотрит, будто запоминает. Дай ему нож, и он попытается убить того, кто приблизится к нему, пойдет за черту, которую парень себе обозначил. Сравни с теми тварями, что стоят с ним рядом, – они боятся, их бьет дрожь. Ни одной мысли о том, чтобы оказать сопротивление. Он – другой. Не нападает только потому, что считает – нападение не даст результата. Но стоит повернуться спиной в ситуации, когда тварь решит, что сможет безнаказанно убить, – и результат будет легко предсказуем. Это убийца.

– Ты, мастер, умеешь разглядеть в людях суть! – Сотник уважительно поклонился хозяину. – Мне никогда не пришло бы это в голову! Ты считаешь, что обломать его невозможно? Даже в Школе Псов?

– Думаю, невозможно. Я знаю этот взгляд. Я сам такой. – Джубокс ухмыльнулся и тут же посерьезнел. – Впрочем, ты прав. Псы ищут таких головорезов. И если они не смогут его обломать – разве это наша вина? Главное – мы дали хороший материал, а уж что они из него сделают – их забота. Ну ладно, начинай... парни уже в нетерпении. Пусть «овцы» разденутся до набедренных повязок – хотя бы посмотрим, что за товар мы нашли. Кроме того, если получат повреждения, сразу станет заметно. Лекарь наготове? Вижу... Начали!

* * *

Щенок понимал то, что ему говорят. Говорили немного странно, но вполне разборчиво. Надсмотрщик приказал снять рубаху и штаны, мальчик беспрекословно подчинился и остался стоять, одетый лишь в грязную, засаленную набедренную повязку.

Надсмотрщик подтолкнул его вперед, на середину круга, где уже ждал один из тех, кто вчера пытался его убить. Крепкий парнишка, крупнее Щенка, почти мужчина – таких обычно не брали, убивали на месте, но эта экспедиция складывалась не особенно удачно, удалось разграбить только три не очень больших селения. Остальные, предупрежденные, успели скрыться, оставив пустые дома с дымиющимися очагами.

Они стояли друг против друга. Маленький, жилистый, крепкий, как просоленный морем кусок дерева, мальчишка и мускулистый юноша, плечи которого уже знали тяжелую работу с сетями и рукоять топора. Если бы драка происходила на воле, в селении, исход был бы однозначен. Вес, рост – все было за противника Щенка. Но это не воля. И это не драка. Это бой насмерть! Когда нет никаких правил, когда ты должен убить или умереть! И другого ничего не остается.

Когда парень замахнулся на Щенка, тот не раздумывал ни секунды. Молча, без крика и рычания Щенок прыгнул на противника и вцепился зубами ему в грудь. Острые белые зубы прокусили кожу, сомкнулись и рванули!

Окровавленный кусок плоти шлепнулся на палубу.

Раздался истошный визг. Страшный, режущий слух визг, пробирающий до самых печенок, до самого сердца. И тут же рык, идущий изнутри, из животного естества, от зверя, который таится в каждом из людей и лишь ждет, чтобы его выпустили наружу.

Щенок передвинулся к шее и вцепился в ключицу, глодая ее так, будто хотел вырвать кость из тела. Он не слышал, как вопили матросы, как завывали, улюлюкали воины команды захвата – все, кто видел происходящее. Отпустил врага только после того, как на него с размаху вылили три ведра воды и дважды ударили по спине бичом из буйволиной кожи.

Щенок почти потерял сознание от боли, и сквозь красный туман видел, как вокруг него ходят люди, как над поверженным, потерявшим сознание противником склонился лекарь, озабоченно качавший головой.

Щека мальчишки касалась палубы, глаза были открыты и бессмысленно моргали, глядя на то, как розовый ручеек воды, смешанной с кровью, подкрадывается к его голове.

И вдруг Щенок начал смеяться. Он не смеялся с тех пор, как убили его родителей, да что там не смеялся – он вообще забыл, как можно улыбаться, радоваться жизни. И тем страшнее казался его смех – залиvistый, мальчишеский, веселый, будто Щенку только что рассказали веселую шутку.

Щенка подняли на ноги, сунули в руки одежду и кусок лепешки и отвели на место, в трюм. Спускаясь по лестнице и усаживаясь на свое место под люком, он все еще улыбался разбитыми губами.

Больше его из трюма не вытаскивали. Поединки шли без него – мальчишки месили друг друга кулаками, боролись, плакали, рыдали под ударами бичей, но Щенка никто не беспокоил. Нельзя выпускать против человека дикого зверя – если, конечно, ты не хочешь, чтобы зверь его растерзал.

Подросток, с которым дрался Щенок, не выжил. Он потерял много крови и скончался на месте. Не помогли ни мази, ни магия, которой владел лекарь.

Впрочем, это был не особенно сильный в магическом деле лекарь, его знаний хватало только на то, чтобы лечить легкие ранения. Те, кто умел лечить смертельные, – не мотались по морю на кораблях, а жили в богатых домах, принимали родовитых людей, способных как следует заплатить за услуги мага-лекаря.

Две недели, которые корабль шел до порта, пролетели без особых происшествий. Ни встреч с вражескими кораблями, ни штормов – все было на редкость спокойно, что это даже удивляло.

Мастер Джубокс не любил нарочитого покоя, он всегда подозревал, что боги готовят испытания, усыпляя внимание человека покоем и размеренностью жизни. Лучше уж серия небольших проблем, потому как после длительного спокойного периода обычно на голову человека падала куча неприятностей, накопившихся, как мусор в помойном ведре. Но нет правил без исключений, и огромный неповоротливый корабль медленно вплыл в бухту столицы Занусса, великого города Аран.

Всегда приятно возвращаться домой. Особенно если трюмы полны хорошей добычи. То что добыча была хорошей – это без сомнения. Удалось сохранить восемьдесят процентов пойманных «овец». Оставшиеся были крепки и отлично подходили для продажи. Больше всего было девочек и женщин – около трехсот, и полторы сотни мальчиков возрастом от десяти до пятнадцати лет. Если мальчик симпатичный, крепкий, не попал под горячую руку воина, напав на него с оружием в руках, – ему прямая дорога в трюм рабовладельца. Самые слабые и никчемные умерли. Остальные и особо ценные рабы, в число которых входили

девочки и женщины, отличающиеся красивой внешностью, находились в более-менее удовлетворительном состоянии.

Тут уже возраст значения не имел. Главное – красивая мордашка, здоровое тело, а если девчонке пять-семь лет, так на таких красоток всегда находились охотники. Товар вот только скоропортящийся, потому хлопот доставлял немало. Но и это было решаемо – не одну сотню лет работорговцы возили рабов, все давно известно – как поймать, как сохранить, и особенно – как продать. За не очень ценную рабыню можно взять пятьсот монет серебром, самые же дорогие доходили в цене до многих тысяч.

К полудню корабль пришвартовался у одного из причалов, специально выделенных для рабовладельцев – отсюда можно было сразу выйти на рабовладельческий рынок, работавший без выходных. Там продавались рабы на любой вкус – девочки, мальчики, мужчины и женщины – все, что нужно свободному гражданину для домашнего хозяйства. Стыдно не иметь хотя бы одного – если не имеешь рабов, значит, ты ничтожный, убогий, нищий человек, не достойный уважения. Так считали жители Великой Империи Занусс, не отставая в этом от своего извечного врага, королевства Ангир.

Мастер Джубокс, не медля ни минуты, сошел на берег в сопровождении телохранителей и направился к рабским загонам, три из которых он заранее заказал ко времени своего возвращения. Скорее всего, ангары были пусты и готовы к приему товара, но нужно было убедиться, что это так и не будет пустого прогона рабов. Конечно, вряд ли кто-то бы посмел пойти против самого мастера Джубокса и поставил бы ему палки в колеса, но чего не бывает на белом свете? Каждый успешный человек имеет много врагов, и они только и ждут, чтобы подстроить какую-нибудь гадость, даже если она и не принесет особой выгоды.

Убедившись, что загоны подготовлены, что на месте имеется все, что нужно для содержания рабов в течение недели-двух, мастер зашел к рыночному глашатаю и заказал отправку извещений всем перекупщикам рабов, всем потенциальным клиентам, которые могли бы заинтересоваться доставленным товаром.

То что интерес будет, сомнений не было – немногие ловцы рабов имели такие команды и корабли, как у мастера Джубокса, чтобы практически без опаски отправляться за океан, на Северный материк. Всех мастеров подобного уровня можно было пересчитать по пальцам рук, и каждый приход такого корабля

означал прибыль для множества крупных и мелких жучков, кормящихся возле работорговли.

То, что уже утром, еще до начала торгов, у загонов появится толпа покупателей, Джубокс знал наверняка – каждый хотел купить раба как можно быстрее, пока тот не отдохнул и не был подлечен хозяином. Иногда можно было довольно дешево купить отличного раба, в первые дни после прибытия выглядевшего так, будто он вот-вот умрет.

Конечно, это был риск – бывало и так, что раб, выглядевший, будто он тяжело болен, на самом деле оказывался больным и умирал, несмотря на усилия новых хозяев поставить его на ноги. Но в том и заключалась работа настоящего перекупщика, чтобы в больном угадать здорового, сбить цену, а потом, когда раб очухается, продать уже задорого, нажив на этом кругленькую сумму.

Джубокс прекрасно знал все эти ухищрения, обмануть его было трудно. Однако нередко позволял себя «обмануть», продавая заведомо не такого уж и пропащего раба за низкую цену – надо же кинуть кость рыночным стервятникам, ведь чем больше покупателей, тем больше ажиотажа вокруг продаж, а значит, купят гораздо более ценный товар по хорошей цене, заразившись всеобщей покупательской лихорадкой. Если не привлечешь клиента скидкой – кто к тебе придет?

Выгрузка рабов проходила споро, умело, без задержек. Вначале вывели самый ценный груз – девочек и женщин. Их сковали по десять человек на одну цепь и оставили в отдельном загоне, расковав на месте, освобождая оковы для новой партии.

Оставшихся переводили в колодках, по два человека. Этих приспособлений было несколько десятков, партия в пятьдесят рабов формировалась очень быстро, и так же быстро перемещалась на рынок, подстегиваемая ударами бичей.

Разгрузка прошла за считанные часы, к вечеру в трюме корабля остались лишь крысы и трупы тех, кто умер уже в порту. Выбрасывать их в воду у причала не стали. Городская власть запретила бросать трупы возле берега под страхом крупного штрафа – Император подписал этот указ несколько лет назад. Говорили, что дочери Императора, наследной принцессе Агалане не понравился вид плавающих в бухте и раздираемых морскими гадами раздутых трупов рабов.

Согласно повелению, очистка от мусора должна осуществляться в открытом море, не ближе чем на три часа хода от акватории порта.

Эту процедуру мастер решил проделать на следующий день, поручив ее своему помощнику. В жарком климате Занусса медлить с очисткой было нельзя. Трупы вздувались, а горы нечистот, что лежали в трюме, невыносимо смердели, будучи источником заразы для будущих «овец», которые отправятся в свой страшный путь на этом корабле.

Само собой, все то время, пока рабы сидели в трюме, никто не убирал. Убрать трупы – это да, а нечистоты никому не мешают. Кроме «овец», конечно.

Выгрузив пленников, мастер занялся подготовкой товарного вида рабов. В каждом загоне имелись мойки – огромные емкости с водой, установленные на крышах. Вода поступала по желобам, что вели от ручьев и рек, стекающих с заснеженных гор, громадами торчащих у столицы. К побережью местность понижалась, так что вода самотеком шла в столицу, обеспечивая ее отличной питьевой водой.

Система водоводов была сделана очень давно, во времена правления Императора Хажара Мудрого, и до сих пор исправно служила городу, подновляемая каждый год специальной городской службой.

Каждый из рабов получил кусочек едкого мыла, разгоняющего насекомых и смывающего застарелую грязь, а еще инструкции по мытью, вместе с ударом бича, если раб недостаточно быстро принялся приводить себя в порядок.

Надсмотрщики внимательно следили за тем, чтобы каждый раб как следует отмыл свое тело – ведь оно собственность хозяина. После помывки рабы прополаскивали свое тряпье, и к ночи чистка была закончена. Грязная вода ушла в систему канализации, и в загонах стало тихо – если не считать тяжелого дыхания усталых рабов, дрожащих во влажной одежде.

Вообще-то замерзнуть было трудно – даже ночью царили невыносимая жара и духота. Только зимой, в сезон дождей, вместе с ветрами с горных вершин спускалась прохлада.

Люди дрожали, скорее, от страха, от усталости, но не от холода. Если только не считать тех, кого колотила лихорадка, подцепленная в пропитанном заразой трюме.

Оставив охрану, мастер Джубокс отправился домой, в свой особняк, к жене, детям, наложницам и любимым собакам. Он соскучился по дому. Хотелось как следует поплавать в бассейне с горячей водой, а потом улечься в кровать, которая не качается на волнах.

Нужно было хорошо отдохнуть, ведь завтра тяжелый день – первый день продаж. Будет много суеты и хлопот. Привезти товар – это еще не все. Вот когда в мешках зазвонят звонкие монеты, когда зашуршат векселя уважаемых людей – только тогда экспедиция будет завершена.

Глава 2

– А вот кому девочек?! Губки сладкие, попки гладкие – налетай, не пролетай! Дешево-предешево, сладко – аж слипается! Эх, сам бы купил, да жена против – забуду ее с такой девочкой!

Распорядитель торгов ловко ухватил за руку съезжившуюся девочку, поднял вверх, так, что рабыня волей-неволей вынуждена была распрямиться и показать свое тело. Девочка норовила опустить голову, и тогда торговец громко шепнул:

– Если ты, сучка, не перестанешь горбиться, я сдеру с тебя кожу, с живой! Стой, тварь, смотри в толпу, улыбайся! И выпяти грудь, мерзавка!

Испуганно моргая синими глазами, та вымученно улыбнулась, откинула назад золотистые, чистые волосы и встала прямо, выпятив грудь. Ее небольшие, зреющие груди с розовыми нежными сосками выглядели так соблазнительно, так свежо, что торг мгновенно оживился. Начальная цена в пятьсот мелких серебряных дагм была перебита, и теперь торг шел между пятью покупателями. Двое из них были поставщиками товара в бордели, трое хотели приобрести девочку для себя.

Красивая молоденькая наложница прибавляет жизненных сил, это знали все. Двенадцатилетняя девочка, да еще такая экзотичная – голубоглазая, золотоволосая – мечта любого состоятельного господина. Ведь только богатый человек мог себе позволить владеть такой красотой!

Через несколько минут в торге остались лишь двое самых состоятельных: один владел сетью лавок на побережье от столицы до самой границы Ангира, другой – серебряным рудником и несколькими ювелирными мастерскими, оба уважаемые и очень солидные люди.

Мастер Джубокс усмехнулся – хорошие торги! Много состоятельных людей, большое желание купить. Так бывает не так уж и часто. После войн или массовых набегов рынок переполняется рабами, и тогда цены на них катастрофически падают, как результат, экспедиция едва покрывает расходы на свое содержание.

Такое бывало в практике Джубокса дважды, и он помнил это злое время, когда рабыни, по ценности равные этой девочке, уходили практически за бесценок – за сотню-другую дагм, да еще и торговались, мерзавцы, сбивая цену.

Сегодня не тот день. Рабыни уходили влет, люди наперебой предлагали цену, звеня тугими кошельками. Вот и сейчас цена дошла до тысячи дагм, а торг все продолжался!

Распорядитель продолжал сыпать шуточками-прибауточками – как и положено при торговле. Считалось, что это неременный атрибут продаж – веселить толпу, разогреть ее, доводить до возбужденного состояния, когда люди не скупятся на траты, особенно если распорядитель знает почти что каждого из покупателей и называет их по именам. Возможность вывалить за понравившегося раба или рабыню кругленькую сумму – это показатель социального статуса, это почетно! Завтра будут говорить: «Вы слышали? Господин Барбокс купил вчера на рынке молоденькую рабыню из ростов! Богатый человек, влиятельный... говорят, его собираются выдвинуть в городской совет! С такими деньгами – конечно, кому же еще там быть, как не ему?»

Девчонка ушла за пять тысяч дагм!

Джубокс недоверчиво помотал головой – давно такого не было! Зажирели горожане, много денег скопилось в сундуках и в Императорском банке! Давно не было крупных столкновений с Ангиром, давно не было войны. Мелкие пакости на границе не в счет.

Недостаток рабов на рынке возник еще и из-за того, что мало кто теперь решался отправиться на Северный материк. Ангирцы обнаглели, настроили десятки судов и стараются перехватить все занусские корабли, что пытаются пробраться к вожделенному материку. Сами теперь грабят разрозненные племена Севера.

Джубокс в который уже раз задумался: если бы северяне объединились в Империю, построили систему защиты побережья по типу той, что существует на Южном материке, поток рабов снизился бы в несколько раз! Хорошо, что эти росты такие дикари! И не только росты, но и все остальные племена Севера – разобщенные, дикие, совершенно не цивилизованные. Иначе Империи пришлось бы несладко. За сотни лет грабежей, разбоя, чинимого жителями Юга, накопилось такое количество Зла, что «южанин» и «враг» на Северном материке значило одно и то же. И если бы Северный материк вдруг начал отправлять экспедиции на Юг – Империя захлебнулась бы в крови.

Придя к выводу, что на его век хватит и рабов, и походов, Джубокс сосредоточился на торгах. На помост сейчас вывели молодую женщину лет двадцати пяти. Опытным глазом Джубокс обозначил цену – не более пятисот дагм. Она была, конечно, миловидна – длинные ноги, полная грудь, но явно рожавшая. Грудь уже чуть отвисла под собственной тяжестью, наметились растяжки. Хотя и на таких есть устойчивый спрос – всегда нужны работницы по хозяйству, не всем же рабыням непременно оказываться в постели? Впрочем – и для постели сгодится, есть немало любителей опытных, умелых рабынь, знающих толк в постельных утехах. Их не нужно обучать, как маленьких девочек, они знают, что почем. Обычно такие «учили» отпрысков обеспеченных семейств – ну не в бордель же отправлять юнца за постельными знаниями? Только заразу собирать!

«Старая» рабыня ушла за полторы тысячи монет, и не мелких дагм, а за полновесные дермы. Если пересчитать на дагмы – четыре с половиной тысячи!

Джубокс довольно усмехнулся – все, в этом году в поход больше не пойдет. Есть время отдохнуть, подготовить судно к работе. Нужно очистить дно корабля от

ракушек, вымыть и окурить трюм, чтобы задушить заразу, пропитавшую доски. Достроить новую усадьбу, дожидаться рождения сына – конечно, сына, хватит уже дочерей!

Денег хватит, даже если бы мастер бросил хлопотные походы и до конца жизни сидел в своей новой усадьбе. Еще и внукам останется. Двадцать лет походов! Если бы эти болваны-соседи знали, сколько денег лежит у Джубокса в банке и сколько закопано в бочонках по всему поместью... Но они не узнают.

– Хозяин, тебя спрашивает мастер Лаган! – ворвался в раздумья голос телохранителя, и Джубокс очнулся от своих грез. О будущем можно подумать и после, на досуге, лежа рядом с двумя молоденькими наложницами, а торги нужно продолжать. Жизнь идет, и в ней нет места нерешительности и слабостям человеческим.

Мастер Лаган ждал Джубокса возле мужского загона. Он внимательно вглядывался за решетку и что-то тихо говорил двум сопровождающим – мужчинам лет сорока, одетым в такую же черную форму с серебряным черепом на левом плече. Несмотря на жару, все трое были наглухо затянуты в плотное сукно, на ногах высокие кожаные ботинки, аккуратно зашнурованные до самого верха. У каждого по два меча, короткие, широкие, в обшитых кожей ножнах. Что еще из оружия спрятано на воинах – одному Создателю известно, но говорили, что Псы до предела нашпигованы приспособлениями для убийства. Даже если их раздеть догола, никто не мог дать гарантии, что Пес не достанет откуда-нибудь тонкий смертоносный кинжал и не перережет глотку врага так быстро, что жертва не успеет понять, что ее убивают.

Лаган был уже сед, как горная вершина, но Джубокс не поставил бы и медяка на того, кто вышел бы против этого «старика» с мечом в руке. Впрочем, и не с мечом тоже. Смертоноснее Псов не было никого. По крайней мере, так считала людская молва.

На взгляд Джубокса, выдавшего виды, это было преувеличением. Мастеров единоборств в мире было много, и Джубокс сам не из последних в искусстве смертоубийства. Но Псы и вправду были хороши. Очень хороши. И мастер был искренне рад, что никогда не имел возможности сравнить свои умения с умениями любого из воспитанников Корпуса Имперских Псов. Псы и Джубокс существовали в разных мирах – Джубокс в своем, простом, обыденном, Псы – наверху, возле Императора, его гвардия, его телохранители, его убийцы, опора

трона, оплот Империи.

Лаган и его спутники оглянулись на шаги Джубокса, и все трое «черных» коротко кивнули головой, как бы подтверждая, что увидели хозяина содержимого рабского загона и позволяют тому приблизиться.

Джубокса всегда слегка раздражала эта манера – какие-то безродные твари, и на вот тебе – вместо искреннего уважительного поклона, вместо того, чтобы смиренно склонить голову перед свободным – спесь, гонор, презрение!

Впрочем, они ведь тоже свободные люди. Псы освобождались при выпуске из Школы. Все знали, что Псы – свободные подданные Империи. Но знали и то, что Псы – бывшие рабы. Потому отношение к ним было опасливо-презрительное. Понятно, почему.

– Приветствую, мастер Джубокс. – Лаган говорил холодно и отстраненно, будто и не знал собеседника много лет. – У меня для тебя хороший заказ. Мне нужна сотня щенков. За каждого Империя готова заплатить тысячу дагм.

– Приветствую, мастер Лаган! – Джубокс постарался говорить так же, как и его собеседник, – без эмоций, без выражения. Так, чтобы тот не понял, что Джубокс презирает этого роста, волей судьбы вылезшего из грязных низов на самую верхнюю ступень, которую только мог занять, – Вожака Школы Псов. Человек, который воспитывал, тренировал, делал из жалких щенков профессиональных убийц без жалости и страха.

– Так что мне скажешь? Есть у тебя приличный материал?

– Видишь ли, в чем дело, мастер Лаган... материал есть, и неплохой – сам видишь. И ты знаешь, что у меня не бывает плохих «овец», но...

– Тебя не устраивает цена, – догадался Лаган, слегка прищутив глаза. – Я слышал, что твои дела идут очень неплохо. Рабы уходят по высокой цене. Тогда скажи мне, по какой цене ты хочешь продать весь этот сброд?

– Ты хочешь забрать всех? – удивился Джубокс, лихорадочно раздумывая, какую цену заломить. – Здесь сто пятьдесят восемь «овец». Все почти полностью

здоровы, крепки, сильны – хороший материал!

– Нет, не всех. Мелочь мне не нужна. Только средние и старшие – десять-пятнадцать лет. Сколько у тебя таких в наличии?

– Ну... сотня точно наберется. Что касается насчет цены... тысяча. Только не дагм, а дерм. И то лишь из уважения к Империи и к тебе лично.

– Уважаешь ты только звонкую монету! И себя! – усмехнулся Лаган. – Ну ты и зажрался! В пять раз поднял цену! Чуешь, когда деньгами пахнет. Хорошо. Я согласен. Но это последнее слово. Если ты после скажешь, что передумал, что рабы стоят гораздо дороже и ты не можешь отпустить по этой цене – берегись. Не сносить тебе головы. Это распоряжение Императора – он увеличивает состав Корпуса, и нам нужны новые щенки.

– Это не мое дело, конечно, но если бы вы не отправляли отслуживших Псов на границу, вам не пришлось бы так часто обновлять состав Корпуса, – хмыкнул Джубокс. – Никогда не понимал, зачем столько времени и сил потратить на обучение и вдруг выбрасывать на границу, служить, как простым пограничникам! Ну не глупость ли?

– Это не тебе решать. И не мне! – посуровел Лаган. – Таков закон! И не нам обсуждать Венценосного! Готовь щенков. Я лично буду осматривать каждого.

– Оплата монетой или векселем? – вкрадчиво спросил Джубокс, оглядываясь в поисках своего казначея. Тот был занят, оформляя очередную сделку.

На каждого раба требовалось составить купчую – простенькую, но с личной торговой печатью Джубокса. Это было нужно, скорее, для покупателя, чем для продавца. Продавец без оплаты все равно товар не отдаст, так что он ничем не рискует, а вот чтобы не было претензий на тему «ты мне никаких денег не давал, верни раба!» – и нужна была соответствующая бумажка.

– Зачем глупые вопросы? – после паузы, чтобы показать глупость вопрошающего, ответил Лаган. – Я что тебе, телегу серебра привезу? Вексель Имперского банка, само собой. Так ты чего стоишь? Время идет, а товар еще не подготовлен! Быстро, быстро давай!

Джубокс замер, окаменев лицом, потом сдвинулся с места и пошел туда, где стоял смотритель загонов и надсмотрщики. Внутри у него все кипело – как смеет этот безродный ТАК с ним разговаривать?! Тварь! Животное! Если бы не эта сделка, если бы не выгодные заказы... Тварь! Тварь! Тварь! Может, нанять убийцу? Грохнуть этого наглеца?! А что – за тысячу-другую серебра любой убийца запросто всадит в его затылок каленый болт! Ну не за тысячу... может, и подороже – все-таки это Вожак, – но всадят, да. Только вот что потом? Что будет делать Секретная служба? Само собой – начнет рыть землю, разыскивая убийцу. А когда найдет...

Нет, как ни хочется завалить гада – не получится. По крайней мере – пока не получится. Да и зачем? Деньги от него идут хорошие, выгодный клиент. А то что он с гонором, – можно и забыть. Деньги перекрывают все. Или почти все.

* * *

Щенок съежился в углу, прижавшись спиной к стене. Он внимательно и настороженно следил за происходящим, и когда возле решетки появились трое людей в черном, замер и постарался сделаться незаметным. Он чуял исходящую от этих людей угрозу. Мужчины были спокойны, бесстрастны, но что-то в их облике говорило: «Меня нельзя тронуть безнаказанно! Я – смерть!»

Это чуяли и другие мальчишки, отпрянувшие от решетки. Они испуганно следили за чужаками, украшенными знаками-черепами, и тихо переговаривались, стараясь не смотреть страшным людям в глаза, как не смотрят в глаза сильному сопернику молодые звери – ведь это может быть воспринято как вызов, как призыв к атаке!

Мужчины переговаривались, разглядывали маленьких рабов, и когда у клетки появился коротышка, главный на корабле, отошли в сторону, не глядя на замерших в ожидании пленников.

Поговорив, коротышка ушел и скоро появился снова, ведя за собой четверых надсмотрщиков. Двое из них были знакомы Щенку, они следили за порядком в трюме корабля, и двое «чужих» – огромные, плечистые, будто выточенные из камня.

Один из надсмотрщиков подошел к загону, провел дубинкой по железным прутьям – тррррр – видимо, так он привлекал внимание пленников. Он объявил, что все рабы должны раздеться догола, сняв с себя все, в том числе и набедренные повязки. Тот, кто не сделает это до десятого удара, получит пять плетей.

Бам! Бам! Бам!

Надсмотрщик отбивал ритм, и мальчишки лихорадочно сбрасывали с себя одежду. Когда прозвучал последний, десятый удар, вся толпа уже стояла, прикрыв руками пах. Маленькие рабы еще не могли привыкнуть, что стесняться им нельзя. Стесняются только люди. Они – не люди. Животные стыда не имеют.

– Руки вдоль тела! Не прикрываться! – рявкнул огромный надсмотрщик и сильно врезал дубинкой по прутьям клетки так, что они загудели, будто экзотический музыкальный инструмент. – Стоять прямо! Без команды не двигаться! Не разговаривать! Ты! Вышел сюда!

Надсмотрщик указал на мальчишку лет десяти толстым, словно плод патата, пальцем, и раб испуганно вздрогнул, будто его ударили плетью. Выскочил из клетки, встал возле надсмотрщика, замер, вытянувшись и... вдруг глаза мальчишки закатились, и он рухнул в пыль, потеряв сознание – то ли от испуга, то ли ослабев от перенесенных мучений. А может, и от всего этого сразу.

Надсмотрщик сплюнул, поддел ногой обнаженное маленькое тело и, будто засохшее лошадиное дерьмо, отбросил к решетке, где мальчик и замер, как изломанная кукла.

– А ты говорил – хороший материал! – усмехнулся Лаган, скосив глаза на Джубокса. – Если остальные такие же дохлые, они не стоят тех денег, что ты запросил.

– Вожак, не нужно меня сердить, – холодно ответил Джубокс. – Прекрасно знаешь, что среди хороших «овец» попадаются и паршивые. Я разве навязываю? Отбирай тех, кого сочтешь необходимым взять, и не нужно бессмысленных слов. Ты что, сегодня не в духе? Хочется на ком-нибудь выместить плохое настроение? Вымещай его на ком-нибудь другом! Я знаю цену моему товару! Не нравится – поищи в другом месте!

– Ладно, чего ты так взвился? – неожиданно добродушно ответил Лаган, натягивая на руки тонкие кожаные перчатки. – Выводите остальных, мы будем их осматривать. Парни, смотрите, чтобы не было уродов, а на раны, ушибы и все такое не обращайтесь внимания, вылечим. Главное – чтобы тело было сформировано правильно.

Мальчишек выводили одного за другим – их вертели, крутили, влезали в рот, ощупывали мышцы, кости, даже гениталии, ведь если мальчик не сформировался как мужчина, он не нормален, и ничего хорошего из него не получится.

Щенок оставался в последних рядах, прячась за спинами товарищей по несчастью. Когда и до него дошла очередь, вышел из клетки, встал, держа руки вдоль бедер, как от него требовали, и замер, глядя по сторонам. Он был неподвижен, как каменная статуя. Двигались лишь глаза, отыскивая способ бегства. Глядя на то, как на его товарищей надевают колодки, Щенок инстинктивно понимал – если сейчас он не сбежит, то больше случая может и не представиться. И лучшей возможности он не найдет – рынок шумел, кричал, туда-сюда суетились люди, и затеряться среди них такому мелкому существу, как четырнадцатилетний мальчишка, не представит никакого труда. Так казалось. И не было ни одной мысли о том, как выжить без каких-либо средств к существованию, без одежды – голому, как в момент рождения. Для этого нужно думать, а думать Щенок разучился. Но инстинкт говорил: «Беги! Спасайся! На свободу! Беги!»

Когда рука одного из помощников Лагана уцепила мальчишку за гениталии, Щенок внезапно извернулся и со всей силы врезал тому в глаз так, что мужчина на секунду потерял ориентацию от неожиданности и боли.

Рывок!

И худое тело мелькнуло мимо остолбеневших рабовладельцев, чтобы исчезнуть в пестрой толпе возле помоста.

Не получилось. Века рабовладения научили хозяев справляться с любыми неожиданностями – их не было видно в толпе, но ловцы всегда наготове, и когда Щенок пробежал мимо, получил удар толстым, свитым из буйволиных жил бичом так, что полетел кубарем и почти потерял сознание. Кожа на спине, там, куда

пришелся удар, лопнула, и капли крови брызнули на пыльную землю, тут же запекшись серо-коричневыми бусинами.

Надсмотрщик поднял Щенка легко, будто тот ничего не весил, и, подойдя к загону, швырнул на землю под ноги Псу, сконфуженно потиравшему покрасневший слезящийся глаз.

– Шустрый парень, – хмыкнул Лаган, наблюдая за тем, как Щенок поднимается с земли, стоя спиной к решетке и зыря, будто пойманный зверь. – Сложен неплохо. Худоват, но это тоже неплохо.

– Я ему сейчас горло вырву! – мрачно пообещал помощник Вожака, делая шаг к оскалившемуся мальчишке. – Негодная тварь!

– Стой! Не трогай! – остановил Лаган. – Он мне интересен. Этот зверек единственный, кто попытался бунтовать, и это ведь после обработки подчиненными уважаемого Джубокса. Не сломался, воспользовался, как он думал, единственной возможностью сбежать. Джубокс, что можешь сказать об этом экземпляре?

– Ребята прозвали его Щенком, – неохотно пояснил работорговец. – Должен предупредить – этот парень спятил. Он не разговаривает, только рычит. Если дерется – то насмерть, не как все мальчишки. Его все боятся и не трогают. Пробовали – он их чуть не загрыз. Ни с кем не общается, зверь зверем. Бесплезный материал – для нас. Для вас – не знаю.

– Хмм... спасибо. Я ценю твою честность, – удовлетворенно кивнул Лаган. – Я давно его заметил, еще когда он прятался позади всех. Поведение парня отличалось от поведения остальных. Когда он сидел в углу, на вытянутую руку вокруг него было пустое пространство. Что касается сумасшествия – все мы в той или иной степени сумасшедшие. Наши лекари лучшие в мире, и если они не смогут ничего сделать с его головой – значит, никто не сможет. Но я видел, как они творили чудеса.

– Ну и слава богам! – облегченно вздохнул Джубокс. – Я тебя предупредил, не обманул, так что...

– Нет, не обманул. Готовьте доставку, а мы с тобой идем оформлять сделку.

– Не забудь в сумму, указываемую на векселе, включить аренду колодок, – заметил Джубокс. – Только не нужно говорить, что я мог бы оплатить ее из своего кармана. Ты говоришь эту фразу десять лет! Уже в зубах навязло!

– И за десять раз ты ни разу не пошел даже на такую маленькую скидку, – усмехнулся Лаган, шагая следом за работником. – Жаден ты не в меру, мастер Джубокс.

– А ты как будто из своего кармана платишь! И не стыдно так торговаться из-за жалких медяков с несчастным человеком, зарабатывающим свой кусок лепешки в поте лица?

– Я за Империю болею, – спокойно заметил Лаган, острым взглядом опытного телохранителя привычно обшаривая толпу. – Казна не бездонна, хотя за годы покоя в ней накопилось немало. Я должен следить за верным использованием средств Императора и стараюсь уменьшить расходы.

Джубокс окинул Вожака внимательным взглядом, но ничего не сказал. Он мог бы напомнить верному Псу Империи о том, сколько тратит Император на свои увеселения, и о том, сколько уходит на городские праздники, на которых зарабатывают крупные торговцы, приближенные к Императорскому трону. Зачем? Это знают все. Но доказательств нет. Как и всегда.

Кроме того, начнешь критиковать Императорский двор – нарвешься на неприятности. Кто знает, что делается в мозгах этих Псов. Известно, как они реагируют на угрозу или оскорбление Императора. Хорошо, если не убьют, а всего лишь потащат в Секретную службу. Вести такие речи рядом с Псами сродни самоубийству.

Впрочем, лучше бы убили на месте, чем оказаться в Секретной службе. Вытянут все, что знаешь и что не знаешь, только после допроса уже не останешься прежним. Изувечат и скажут, что так и было. Если не считать армии, Секретная служба и Псы – опора трона. Если бы не они, знать давно бы устроила переворот и скинула нынешнего Императора, чтобы посадить на трон своего человека. А потом скинуть и этого. И так до бесконечности – чего-чего, но лучшим развлечением имперской знати было устройство заговоров. А что еще делать, когда ты уже устал от разврата, жратвы и безделья? Когда ничего не радует и все у тебя есть? Скучно! Власть – нет ее слаще!

Власть и кровь – вот главное в мире, и эти два слова неразделимы.

* * *

Твердая земля, камешки, колючки, ноги в кровь. В горячей пыли – следы, окропленные розовым. Руки впереди стянуты веревкой, привязанной к телеге. Время от времени, когда Щенок падает, он волочится несколько шагов, пока не поднимается и снова идет за повозкой, пошатываясь, как саженец под порывами ветра.

Он наказан. Никто не может напасть на Пса без того, чтобы не понести наказание. Тем более – жалкое ничтожество, раб, даже еще не щенок. Нужно с первых шагов внедрять мысль о том, что нападать на старших Корпуса Псов нельзя. Они – суть божества, они – властители тел и умов щенков и недопесков. Когда-нибудь те, кто сейчас едет в повозках, станут Псами – если доживут, конечно.

То, что доживут не все, без сомнения. Выживает процентов семьдесят, и это в лучшем случае. Болезни, травмы на тренировках – все против этих изможденных мальчишек, но таков путь Пса. Лучшее, что они могут получить в Империи.

Когда исполнится тридцать лет, Псы отправятся служить на границу, в сорок лет – свободны и могут завести свою семью – те, кто захочет или сможет это сделать. Таких было немного. Псы служили долго и обычно умирали не своей смертью. Воспитание, которое дали им во время обучения, накладывало отпечаток на всю жизнь.

Вожак не стал говорить рабовладельцу о том, что знал каждый из Псов. Тридцать лет – это был тот возрастной барьер, после которого реакция бойца начинала слабеть. По крайней мере, так считали ученые мужи.

Император должен получать самое лучшее, самых лучших бойцов – молодых, умелых, невероятно быстрых и сильных. Телохранители должны быть безупречными бойцами. И никак иначе. Только им мог доверять Император, который не верил даже своей дочери. Кроме того, было еще одно обстоятельство, о котором знали лишь высшие... но это не для всех.

Вожак не был согласен с утверждениями ученых, но что он мог поделаться? Да, как и работорговец, он тоже считал отправку Псов на границу бессмысленной тратой драгоценных человеческих ресурсов, но кто он такой, чтобы менять законы, установленные веками? Если Император считает, что должно быть именно так, а не иначе, значит, так тому и быть.

Лаган посмотрел в спину Щенка, шагающего по дороге, и усмехнулся уголком рта – пусть приучается к дисциплине. И пусть все видят, что бывает с тем, кто нарушает закон Корпуса! Командиры неприкосновенны! Это закон! Если бы он напал на Пса, будучи щенком, – получил бы двадцать плетей. Если бы при этом убил – смерть его была бы страшной.

Глаза Вожака затуманились, и перед мысленным взором возникла картина – столб с перекладиной, на которой висит обнаженное тело. Руки примотаны веревкой. Глазницы пусты – птицы выклевали глаза, добираясь до мозга.

Труп когда-то звался Ригом. Он посмел напасть на учителя с тренировочным мечом и убил его ударом в голову.

Учитель был строг. Но не слишком. А еще – глуп и плох как боец. Позволить себя убить какому-то щенку? Такие учителя не нужны. Как и такие щенки.

Вообще-то это был редчайший случай. Такое преступление ученика было отмечено в хрониках Корпуса всего пять раз на протяжении нескольких столетий. Методы Корпуса работали всегда. Верность вбивалась магией и снадобьями.

Корпус Псов располагался в полчасе ходьбы от городской стены, у подножия Пика Императора, – самой высокой горы из череды гор, вытянувшихся вдоль побережья. Основной состав Псов постоянно жил внутри дворцового комплекса, в отдельных казармах, но Школа и склады Корпуса находились именно тут, за высокой стеной, украшенной шестью сторожевыми башнями. Дежурили на них недопески, ученики, обучавшиеся больше года и получившие уроки верности. Только через три года рабы, вошедшие на территорию Корпуса, смогут получить возможность выйти за стену – когда станут настоящими Псами.

Впрочем, существовал еще один способ выхода с базы – покинуть мир навечно, оказаться на склоне горы, на кладбище, где уже упокоились сотни и сотни тех,

кто когда-то мечтал, любил и совсем не думал о том, что жизнь может закончиться так быстро, глупо и бездарно.

Со сторожевых башен заметили приближение каравана, ударили в сигнальный колокол. Тяжелые, окованные начищенной медью ворота медленно поднялись, и через несколько минут повозки втянулись на территорию базы, высекая искры из каменных плит окованными металлом колесами.

Привратники с веселым любопытством посмотрели на голого подростка с окровавленными, разбитыми ступнями, тащившегося позади всех, но ничего не сказали. Застыв, они отсалютовали Вожаку ударом кулака правой руки о выпяченную грудь. Лаган осмотрел их строгим взглядом, от которого в жилах стыла кровь, отвернулся и поехал дальше, пришпорив черного, как уголь, жеребца.

Этого жеребца знали все – мерзкая тварь кусалась, лягалась и не давалась никому, кроме Вожака. Однажды конь едва не вырвал руку молодому щенку, отправив того в полет через стенку прогулочного загона. Поговаривали, что в эту лошадь вселились демоны, и только демон может управлять таким существом. Последнее старались говорить тихо, чтобы, не дай Создатель, не услышал Вожак – дурно может закончиться.

В обучение Псов обязательно входил курс верховой езды. Каждый выпускник должен в совершенстве владеть этим искусством. Невозможно полноценно охранять Императора, если ты не умеешь ездить на коне. И не просто ездить – биться верхом, с оружием или без оружия.

Возле административного здания выстроился ряд воинов в черной форме с такими же, как у Лагана и его помощников, серебряными черепами на плече. Черные береты, мечи – все, как положено Псу. Не очень молоды – каждому из них не менее тридцати лет, скорее, к сорока. Большинство родом из ростов, но есть и южане – двое с краю: крепкие, низкорослые, с мощными длинными руками, способными в одно мгновение сломать подкову и шею врага.

Подводы остановились посреди плаца, надсмотрщики споро выгнали рабов из телег, и мальчишки сгрудились кучей, испуганно поглядывая вокруг. На их плечах лежали колодки, которые надсмотрщики теперь привычно и ловко снимали, забрасывая назад, в телеги – за аренду оплачено, и если хозяин не

досчитается хоть одной – вычтет из жалованья.

– Доклад! – негромко скомандовал Лаган, подходя к строю «черных», и старший из них, седовласый высокий мужчина, вышел вперед, отсалютовал и четко, глядя в глаза командиру, отрапортовал:

– Мастер Лаган, за время вашего отсутствия на территории Школы ничего непредвиденного не произошло. Ученики занимаются по плану. Готовы к приему щенков.

– Если готовы – принимай! – устало кивнул Лаган. – Разместишь, потом доложишь. Вызывай лекарей, всех нужно осмотреть, вылечить. Особенно вон того. С ним будьте внимательны.

– Буйный? – понимающе усмехнулся мужчина. – Что, уже отличился?

– Отличился, – тоже усмехнулся Вожак, покосившись на подбитый глаз спутника. – К нему вызови мастера Дондокса.

– Что, так серьезно?

– Да. С ним нужно поработать прежде всех. Иначе может дел натворить...

* * *

Было больно. Ноги как деревянные, онемели, распухли, покрытые коркой из грязи и крови.

Спина тоже болела, исполосованная ударами бича.

Щенок не плакал, он тяжело дышал, с ненавистью глядя в бородатое лицо человека, нависшего над ним и что-то рокотавшего низким, тяжелым голосом. Что он говорил, Щенок не понимал. Не хотел понимать. Он окончательно впал в какой-то ступор, уйдя в себя, как в раковину, стараясь отстраниться и от боли, и от страшной действительности. Мальчишка все больше и больше погружался в пучину безумия. Вернее, его туда загоняли. С каждым ударом, насилием,

совершенным над его телом.

– Тащите в моечную! – приказал лекарь, сокрушенно покачав головой. – Крепко ему досталось. Осторожнее! Смывайте с него грязь! Ну, быстро!

Двое мальчишек в серой форме недопесков поставили Щенка под струю воды, молча и споро намылили, стерли грязь, кровь, затем снова отвели к лекарю, разложившему на столе свои снадобья.

– Кладите его сюда. Отойдите и сядьте у стены. И чтобы ни звука! Лежи спокойно, ничего с тобой не случится. Ты меня понимаешь, эй? Таращитесь, и все тут... ладно, посмотрим, что можно сделать...

– Мастер, ты хочешь сразу провести ритуал верности?

– О! Вожак вернулся! Нет, пока нет. Попробую укрепить ему мозги, похоже, они сильно встряхнулись. Если не получится, путь один – на кладбище.

– Я думал, что для тебя нет невозможного, мастер Дондокс...

– Ты льстишь мне, мастер Лаган. Что не в твоих правилах... Зачем? Тебе интересен этот щенок?

– В общем-то, да. Когда-то и я был таким зверенышем. Мне хочется, чтобы он выжил.

– Как будто мне не хочется... только шансов у него не так и много. Процесс зашел слишком далеко.

– Щенки в этот раз обошлись дорого, постарайся его сохранить. Работорговец поднял цену, а ничего дельного на рынке больше нет. Так, крохи... еще пятьдесят щенков прикупил, по одному, по два. И то ростов больше нет, только местные.

– Дело идет к войне, мастер?

– Похоже, что да. Крупного конфликта не избежать. Не зря Император усиливает Корпус.

– Не зря. Вчера я был в гостях у мастера Ленкоманга, так он мне шепнул... Какое-то брожение вокруг трона, ходят слухи о заговоре. Это неспроста, хотя Ленкоманг известный болтун. Напридумает...

– Не знаю. Нас не извещали. Эти слухи вечно ходят, лет уже как... двадцать. И все заканчивается тем, что кому-нибудь из особо шустрых снимают голову с плеч. Обычное дело. Эй, щенки, чего уши растопырили?! Кто скажет хоть слово из того, что тут слышали, голову оторву! Ну что же, приступай, мастер Дондокс.

* * *

Бородатый человек наклонился над Щенком, и тот едва удержался, чтобы не воткнуть бородачу палец в глаз или не вцепиться ногтями в горло – чужак нарушил границу, протянул руки ближе, чем полагается. И что хуже того – положил их Щенку на голову.

Толстые губы что-то шептали, руки чужака стали теплыми, потом горячими, просто обжигают, голова Щенка наполнилась звоном. Звон шел откуда-то издалека, даже не звон, а жужжание, пронизывающее мозг, не дающее спрятаться в свою раковину. Оно было неприятным, оно тревожило, будило что-то в глубинах сознания, поднимало пласты воспоминаний. И вдруг поплыли картинки: высокий мужчина со шрамом на правой щеке и красивая женщина, которая счастливо смеялась и брызгалась водой. Лодка, на слани которой лежали мокрые сети, и рядом груды серебристых рыб, беспомощно разевавших рты.

Картинки пошли вереницей, пестрым потоком, и голова заболела, ее заломило еще больше. Стало трудно дышать, и Щенок задергался, начал извиваться в сильных руках лекаря, не перестававшего творить колдовство.

– Держите его! Держите, быстро! – рявкнул Дондокс, яростно зыркнув на помощников. – Не удержите, сломает себе шею. А потом я вам шеи переломлю!

– Что с ним? – спросил Вожак, сидя в кресле напротив и с нарочитым интересом наблюдая за процессом. – Что ты сейчас с ним сделал?

– Попытался разбудить память. Есть заклинание, которое высвобождает память, если потерял. Я читал в одном трактате о подобных случаях. Человек, прячась от невзгод, забывает всю свою прежнюю жизнь, превращаясь в подобие животного, зверя, оставляя лишь звериную натуру. Это ему помогает выжить. Ты слышал о воинах, которые во время боя теряют человеческий облик? Пускают пену, бросаются на врага, не чуя боли? Их сила и скорость возрастают в несколько раз, убить их очень трудно.

– Чего там слышать? – фыркнул мастер. – Я и видел. И встречался с такими. Вообще-то, они плохо заканчивают свой жизненный путь. Воинское искусство предполагает холодный расчет, отсутствие эмоций, а не звериный наскок! Да, на раз этого хватит, но если противник не испугается – бой может закончиться, и чаще всего заканчивается очень дурно для безумца. Это закон. Так ты считаешь, он впал во что-то вроде боевого безумия?

– Эй, держите крепче, слабосильные мерзавцы! Прижмите его, прижмите, демоны вас заберите!

– Мастер, мы не можем удержать! – парнишка обернулся к магу, красный, напряженный, злой. – В него как демоны вселились, он просто невероятно сильный!

– Вот о чем я и говорю! – довольно кивнул маг. – Держите. Ничего, удержите. Иначе получите плетей! Сейчас он утихнет... Так вот, мастер Лаган, ты видишь? Двое не могут удержать! Да, ты прав – он впал во что-то вроде боевого безумия, и я стараюсь вывести из этого состояния. Как получится – не знаю. Увидим, скоро увидим. Конвульсии уже стихают, посмотрим, что у нас получилось. Интересно было бы оставить его в таком состоянии подольше и понаблюдать, что с ним происходит. Только боюсь – не затянулось бы надолго такое наблюдение. В конце концов, он превратился бы в ходячий патат – жрать, пить, испражняться. Хмм... кидаться на все, что шевелится. Впрочем, этим он до этого и занимался, не так ли? Ты когда хочешь начать?

– Переделку? Дня через три, когда подлечим их как следует. Подкормим. Мне не нужен лишний отсев. У тебя все готово?

– Все готово! Ты каждый раз это спрашиваешь, Вожак! Иногда я думаю, что ты очень низкого мнения обо мне...

– Ну-ну... не сердись, мастер. Я очень высокого о тебе мнения. Клянусь. Просто спросил. Партия щенков большая, снадобий нужно много. Больше двухсот особей – хватит на всех?

– Хватит. Всегда делаю с запасом. – Дондокс положил руку на голову Щенка и большим пальцем левой руки поднял ему веко. – Ну вот, зрачки в норме, он пока в обмороке. Сейчас я его разбужу, и тогда мы все узнаем. Существует опасность, что ты не сможешь воспользоваться этим материалом, но тут уже никуда не деться.

– Мастер, делай! – вздохнул Лаган и подумал о том, сколь много нужно иметь терпения, чтобы общаться с этими учеными мужами. Чуть что – обиды, чуть что – долгие разговоры ни о чем, длинные рассуждения на отвлеченные темы. Но все это обязательно нужно выслушать и ласково поддакивать, ведь спокойный, довольный маг работает гораздо эффективнее злого, недовольного и расстроенного. У нервничающего мага заклинание вообще может пойти не так, как ожидаешь. Или вообще не получиться.

– Делаю, делаю, мастер Лаган... уже делаю...

Маг простер руки, сказал несколько слов, и вдруг в воздухе отчетливо запахло послегрозовой свежестью. Между пальцами лекаря проскочили искорки, и Лаган невольно поежился, хотя видел такое много раз. Вожак не понимал природы магии и, честно сказать, побаивался колдовства. Оно вызывало у него подсознательный страх, как у дикаря, увидевшего проявления божественной сущности. Впрочем, это и было проявлением божественной сущности, как говорили маги. Боги давали избранным людям часть своей силы, для того чтобы те доказывали существование богов.

Лаган считал, что такое объяснение колдовству не выдерживает ни малейшей критики, но как человек практичный и выдавший виды допускал, что без богов тут не обошлось. В любом случае ни маги, ни ученые-алхимики, а тем более простые люди все равно никакого внятного объяснения происходящему дать не могли, так что ломать голову над этой проблемой было лишь потерей времени, не более того. Лаган же терять времени не хотел. Его, этого времени, осталось

не так и много... увы. Возраст.

Мальчишка на столе вздрогнул, глубоко вздохнул и задышал полной грудью. На глазах Лагана ссадины и ранки на коже Щенка стали затягиваться, исчезать, тело будто впитывало мазь, которой перед началом сеанса был покрыт мальчик.

Ступни – опухшие, изрезанные, снова стали здоровыми, чистыми. Спины не было видно, но Лаган знал – рубцы от бича на спине Щенка сейчас затягиваются, исчезают, расправляются, будто их никогда и не было.

Немного удивился – лекарь использовал самое мощное оздоравливающее заклинание, а не простенькое, годное, чтобы разбудить. Зачем?

– Я не хотел терять времени, мастер Лаган. – Дондокс перехватил удивленный взгляд Вожака, кивнул. – Все равно его будить, так заодно и полечили. Парень крепкий, думаю, выдержит. Немного похудеет... хмм... наверное.

Лаган с сомнением оглядел худое тело мальчика, взгляделся в его лицо и четко, с расстановкой, сказал:

– Ты очнулся. Я знаю, что слышишь. Как твое имя?

Молчание.

– Как твое имя, я спросил! Отвечай, если не хочешь получить наказание! Запомни – ты в Школе Псов, и ты – никто. Раб. Ты в нашей власти, и мы можем сделать с тобой все, что пожелаем. Чтобы выжить, ты должен подчиняться нашим приказам. Моим приказам. Мое имя – мастер Лаган, или Вожак. Я главный в этой школе. Итак, отвечай: как твое имя?

– Не знаю... – тускло ответил мальчишка, с трудом выталкивая слова, и посмотрел на человека в черном яркими синими глазами.

Лаган вдруг отметил – мальчишка очень красив, даже слишком. Волосы отмылись, стали золотистыми, кожа чистая, белая, если бы не главные признаки принадлежности к мужскому полу, его можно было бы принять за девчонку.

Вожак поморщился – мальчишка будет иметь проблемы. В обществе парней, запертых в ограниченном пространстве школы, без малейшей возможности общения с противоположным полом красавчик, подобный Щенку, обязательно будет подвергаться опасности.

В Школе строго наказывали за попытки принудить учащихся к противоестественным страстям, но... всякое бывало. В стае зверят могло быть все, что угодно. Если этот красавчик не сумеет постоять за себя, участь его будет незавидна.

Лаган помнил историю, произошедшую десять лет назад, когда пятеро старших учеников изнасиловали молодого щенка, проучившегося всего полгода. Он никому не сказал, но улучил момент и зарезал всех своих обидчиков, когда те спали. Потом покончил с собой. После были наказаны два командира звеньев, что просмотрели и не донесли о случившемся. Ведь знали, Лаган уверен, – знали, здесь ничего нельзя скрыть от глаз и ушей учащихся, но... вот так. Да, наказали, да, спустили шкуру со спины, но разве это воскресит учеников?

– Ты помнишь, откуда ты? Как сюда попал? Знаешь, где находишься?

– Я захвачен рабовладельцами. Ты меня купил.

– Нужно добавлять «мастер Лаган», или «Вожак», – холодно сказал Лаган. – Ну-ка, повтори: «Я захвачен работорговцами, мастер Лаган».

Молчание.

Шелест меча, вытаскиваемого из ножен, короткий свист клинка – удар!

На бедре мальчишки вспухла красная полоса. Меч ударил плашмя, и это было больно, очень больно – Лаган знал по себе.

– Повтори то, что я сказал!

– Я был захвачен работорговцами, мастер Лаган. Ты меня купил, мастер Лаган.

– Вот так... – Вожак удовлетворенно кивнул головой, внимательно наблюдая за реакцией мальчишки на полученное наказание. У того не дрогнул ни один мускул на лице, лишь из уголка левого глаза предательски выкатилась небольшая слеза и унеслась вниз, оставив за собой тонкую влажную дорожку.

– Ты будешь учиться в Школе Псов, и когда... если выйдешь отсюда, вольешься в ряды самого элитного подразделения императорской армии. Ты будешь охранять Императора и его семью, будешь выполнять самые сложные, самые опасные задания Венценосного. И тебе всегда будет сопутствовать удача, потому что ты – Пес! Псы не проигрывают схватку!

– Псы не проигрывают схватку! – повторили все те, кто был в комнате – кроме лекаря, конечно. Дондокс поморщился, будто этот патриотический пафос ему претил, и ворчливо заметил, сбив накал ситуации:

– Все. Моя работа пока закончена. Мне пора к остальным, нужно подготовить их к ритуалу. Ты же не хочешь, чтобы они все до одного передохли? Так что оставляю вас тут, не буду мешать вашим салютам и песнопениям.

Лекарь быстро собрал бутылочки, склянки, какие-то магические предметы и старые свитки, сложил их в кожаную прямоугольную сумку и вышел, не глядя на Вожака, бесстрастно следившего за манипуляциями колдуна.

Они недолюбливали друг друга, маг и Пес, нужно было честно это признать. Кто такой Вожак для наделенного магическими умениями, недоступными обычному человеку? Если даже на свободных маг смотрит, как на грязь под ногами, так что тогда для него бывший раб?

Смешно, но этот маленький щенок для Вожака гораздо ближе по духу, чем лекарь, с которым они вместе служат без малого двадцать лет.

– Отведите его в казарму, покажите место, где он будет спать, расскажите о наших порядках, – приказал Вожак и, обведя внимательным, тяжелым взглядом учеников, вышел, дождавшись салюта и быстрого «Слава Императору!» – как и положено, если не хочешь получить три плети за нерасторопность.

* * *

– Эй, правда, тебя как звать? – парнишки порылись в мешках, сложенных в углу, достали штаны, рубаху, потертые ботинки со шнуровкой, бросили Щенку. – Ты что, ненормальный? Эй, ты! Чего молчишь? Одевайся, полудурок!

– Да он точно дурак, – презрительно сморщился один из них, высокий, крепкий парень лет шестнадцати-семнадцати. – Никогда не видел, чтобы с щенком так долго занимался лекарь!

– Ты много чего еще не видел, – мрачно заметил тот, кому Щенок поставил синяк под глаз. – А будешь много болтать – и не увидишь. Не приставай к нему, веди в казарму. И вот что, парни, – узнаю, что кто-то к нему пристаёт... ну вы понимаете... берегитесь! За такие дела – сразу на кладбище.

– Звеньевой, нам как-то же надо его звать? Имя-то у него должно быть? Не Щенком же? Тут все щенки... – Парнишка пониже ростом и похудее пожал плечами и вопросительно уставился на командира.

– Звереныш! – усмехнулся высокий. – Звер! Во! Будет Звер! Потому что звереныш долго выговаривать!

– Звер? – ухмыльнулся парень в черном. – Ну что же, Звер, так Звер. Если Вожак сочтет нужным, даст ему другое имя. Нет – пусть ходит Зверенышем. Сейчас я ему пару слов скажу, и отведете в казарму. Итак, Щенок, твое имя теперь Звер. Ты должен исполнять все, что тебе скажет командир. Если нарушишь правила – будешь наказан. Правила тебя заставят заучить за эти три дня, что остались до ритуала верности. Выполняй все, что тебе скажут, и через три года, если Вожак сочтет тебя подготовленным, ты выйдешь из дверей этой школы полноценным Псом. Или останешься здесь, чтобы воспитывать Псов из тупых болванов, которые сюда попали. (Пареньки переглянулись и ухмыльнулись, пряча улыбку.) Ты будешь свободен, но до конца жизни станешь служить Императору, да славится его имя во веки веков! Если не покажешь рвения в учебе, если будешь бунтовать, нарушать правила – окажешься на кладбище, среди безвестных трупов тех, кто не смог стать Псом. Таких много, слишком много. Не становись одним из них. Все, парни, ведите его. Хватит на сегодня болтовни. Кстати, скоро ужин, поторопитесь.

Глава 3

– Вот он! – голос донесся откуда-то издалека, с середины длинного помещения, Щенок не смог рассмотреть, кто же это сказал. Он исподлобья осмотрел казарму, собравшихся по кучкам мальчишек и прошел следом за сопровождающими, уже не глядя вокруг.

Впрочем, нарочито не глядя, потому что все его чувства были настороже. Щенок ни на минуту, ни на секунду не забывал, что находится у врага, и что все вокруг могут быть врагами.

После лечения туман в его голове развеялся – тот туман, что клубился в мозгу с того самого момента, как жизнь Щенка изменилась. Теперь он помнил свою жизнь. Всю, до последних часов и минут. Так помнил, что ему оставалось лишь упасть и завывать, как дикому зверю, – настолько страшна была действительность. Не осталось одеяла, укрывающего от страшных воспоминаний. Две жизни – жизнь Адруса Симгса, как мальчика называли до того, как мертвая голова матери коснулась его ботинка, и жизнь Щенка, а теперь – Звереныша. Развилка, после которой жизнь пошла совсем по-другому, излом.

По широкому проходу между рядами Звереныша подвели к свободной кровати в дальнем углу зала, и парень-сопровождающий указал рукой на верхнюю полку:

– Сюда. Это твое место. На ближайший год – если выживешь, конечно. Вот тут шкаф – можешь сюда складывать свои вещи. Но их у тебя будет немного, хе-хе-хе...

– Ты рассказывай о правилах, а не развлекайся! – перебил парнишка пониже. – Он ведь ничего не знает! Попадет в неприятности, а с нас потом спросят!

– Ну и расскажи! – огрызнулся первый. – Язык засох, что ли? Как лезть под руку, так ты первый, а чтобы делом заняться...

– Хорошо. Я расскажу, – невозмутимо кивнул второй. – Итак, парень, слушай простые правила. Первое из них – слушаешься всех, кого тебе положено слушаться, особенно тех, у кого серебряный череп на плече. Это Псы. Им отдаешь салют, а если они отдают приказ – выполняешь, не раздумывая, и

бегом. Вообще, твоя задача слушаться всех, кроме таких же, как ты, бывших рабов, ставших щенками. Присматривайся, позже тебе объяснят систему командования школой, сейчас это бесполезно. Не нужно. Дальше: отбой по сигналу, подъем тоже по сигналу, на рассвете. Умываться, одеваться быстро. Не успеешь – плети. По сигналу на завтрак, по сигналу на обед, по сигналу ужин – все по сигналу. Сортир у входа, вон та дверь. Там же можно помыться и постирать одежду. Все делаешь сам, пока не станешь Псом. Когда пройдешь Ритуал, тебе выдадут несколько комплектов одежды – для повседневности, парадную и тренировочную. Ну... все. Скоро будет ужин. Идешь со всеми, садишься, ешь – тоже по сигналу. Не успел – остался голодным. Не бойся, привыкнешь, голодным не будешь. Кормят у нас хорошо, всем хватает.

– Только выживают не все! – хохотнул высокий и прищурил темные глаза. – Скоро тут будет посвободнее!

– И чего смешного? Да, многие умрут, и что? Это путь Пса, и мы должны его пройти! – серьезно, со звоном в голосе сказал второй парень. – Наша судьба! Все, Звереныш, пока что отдыхай. Кстати – в башмаках на постель не ложись, заметит звеньевой – пять плетей.

Парни повернулись, пошли к выходу, выкинув новичка из своей головы, а Щенок остался стоять, обдумывая сказанное. Потом быстро сбросил башмаки, в два движения выбросив тело вверх, ловко взгромоздился на кровать. Нижняя пока свободна, но видно было, что кто-то на ней уже полежал – ровно застеленная постель смята и растрепана.

Улегшись, Щенок сложил руки на грудь, как покойник, и закрыл глаза, продолжая прислушиваться к происходящему в казарме, а еще больше к тому, что происходило в нем самом.

Ощущения были странными: руки, ноги, плечи – все зудело, кожу будто кололо очень маленькими иголочками, хотелось повернуться, лечь поудобнее, потереть кожу ладонью, сделать так, чтобы зуд исчез, чтобы тело успокоилось, позволило отдохнуть усталому мозгу. Мозг не отставал от тела. В нем шла какая-то перестройка – мелькала мешанина из образов, слов. Перед глазами всплывали то лицо мертвого отца, зажавшего в руке меч, то образ матери, как волчица вставшей на защиту своего щенка и в буквальном смысле сложившей свою голову для того, чтобы жил он, Адрус Симгс, ничтожный трус, позволивший умереть той, кто дала ему жизнь.

От нахлынувших чувств Щенок сморщился, и по его щеке покатились тяжелая мутная слеза, капнув на застиранную, но еще крепкую холщовую простыню, выглядывающую из-под одеяла.

- Глянь - он плачет! - услышал Щенок и едва не вздрогнул, тут же разозлившись на самого себя, - как он мог подпустить чужого так близко и не услышать?

Щенок открыл глаза. У кровати стоял крепкий парень лет пятнадцати-шестнадцати, из местных, смуглый, черноволосый, курчавый. Местных можно было сразу отличить по смуглой загорелой коже - здесь редко заморачивались тем, чтобы прикрыть тело от палящих лучей южного солнца, даже свободные часто ходили полуобнаженными, а уж рабы, те вообще могли находиться посреди толпы в одной набедренной повязке или совсем без нее. Нагота здесь не вызвала никакого интереса, если только обнаженный не был хорошенькой молодой девушкой.

- Чего надо? - бесстрастно спросил Адрус, повернув голову к чужаку. Щенок не хотел дружить с местными - они напоминали ему о тех, кто сломал его жизнь, убив отца и мать. Глядя на курчавого парнишку, Адрус явственно вспомнил лицо того воина, что бился с матерью, и по коже прошла дрожь возжеления от предвкушаемого убийства - когда-нибудь он доберется до этой твари и вырежет темные глаза, так похожие на глаза этого вот паренька-раба.

- Говорят, ты силен, а, рост? По-моему, ты просто девка! Если посмотреть на тебя сзади - точно, худая девка! Хотя, если наешь зад, может, и сгодишься в дело, а? - парень весело подмигнул Щенку и оглянулся вокруг, будто ожидая поддержки.

Щенок тоже обвел взглядом казарму и заметил, что за разговором наблюдают десятки глаз, хозяева которых замерли в ожидании, затаив дыхание, как зверь, скрадывающий чуткую дичь.

Адрус понял - этого парня специально натравили на него, чтобы... а вот тут вариантов много, и каждый из них имел право на существование. Вот только правда была одна - Щенка хотели избить, над ним хотели поглумиться, и по какой причине - ему совершенно все равно.

И еще стало совершенно ясно – если сейчас спустит с рук этому парню попытку вытереть о Щенка ноги, то потом придется еще хуже. Повторить увиденное захотят все, кто посчитает себя в силах это сделать. Закон стаи – звери выясняют между собой, кто сильнее, и выстраивают иерархию правления. Пока во главе не встанет самый сильный – Вожак.

Щенок попал под разборку первым – слишком уж большой за ним тянулся шлейф, ореол убийцы, человека страшного, которого нужно опасаться, а значит, по понятиям стаи – самого сильного, Вожака. И значит, будут попытки сместить его с этого пьедестала.

Адрус этого всего не знал, даже не догадывался о подобных, сложных для его понимания вещах, но на уровне инстинкта четко осознал – драки не избежать, и она случится прямо сейчас.

И тогда он мгновенно, не раздумывая, бросился на ухмыляющегося парня, повис на нем, схватив его обеими руками за шею, вцепился зубами в щеку, разодрав ее, вырвав здоровенный кус мяса. Когда враг завопил, заголосил, зажав рану руками, Щенок выплюнул на середину прохода красный, пахнущий железом, влажно шлепнувшийся шматок плоти. Улыбаясь окровавленными губами, он сильно ударил противника сцепленными вместе руками под дых, и когда несчастный упал на колени, припав головой к полу, дважды добавил ему сверху, по спине, услышав, как хрустнули кости, – то ли ребро, то ли позвоночник.

Когда прибежали дежурные, сидевшие за столом у входа, Щенок с остервенением пинал поверженного противника, довершая начатую расправу. На приказ прекратить безобразие он не отреагировал, его мозг снова захватил красный туман, не позволявший думать как обычному человеку. И тогда дежурные, дюжие ребята, проучившиеся в Школе уже год, попытались взять его в захват, чтобы остановить убийство – а именно к убийству шло.

Щенок легко, будто это были не тренированные сытые парни, а жалкие хилые кутята, разбросал их по сторонам, запустив одного из них так, что тот с хрустом врезался в спинку кровати напротив. Второй дежурный лежал в беспамятстве после удара головой, и когда Щенок врезал ему ногой в бок, даже не дернулся, будто мертвый.

Неизвестно, чем бы закончилось это дело, если бы мимо казармы не проходил один из Псов, учитель рукопашного боя. Услышав крики, он вбежал в казарму. А когда увидел стоявшего над окровавленным телом Щенка, не стал раздумывать, схватил полено, которым подпирали дверь во время проветривания помещения, и со всей силы, почти через весь зал запустил им в затылок нарушителя дисциплины, вырубив парня так же верно, как если бы того с плеча огрели здоровенной боевой дубиной.

Щенка тут же оттащили в тюремный блок, где он и был брошен на деревянный топчан под зарешеченным окошком, расположенным высоко под потолком. Он чудом выжил, потому что Пес бил от души, наповал – никто не смеет бить представителя власти, дежурного при исполнении служебных обязанностей. Это одно из тяжелейших преступлений, которые только могут быть совершены на территории Школы.

* * *

– Что будем делать, Вожак? – командир Третьей стаи испытующе посмотрел на мрачного, серьезного Лагана. – Совершенно преступление. Таких преступлений здесь не было очень давно. Парень должен быть жестоко наказан, иначе...

– Да, должен быть наказан, – кивнул командир Второй стаи. – Двадцать плетей, и на две недели под замок, на хлеб и воду.

– Согласен! – кивнул командир Первой стаи. – Иначе я с этими щенками не справлюсь. Им только дай повод – сожрут с потрохами. Только жесткие меры, только страх. Я бы его вообще казнил.

– Только страх... – задумчиво повторил Лаган, постукивая пальцами по крышке стола, и, подняв взгляд на заместителей, холодно спросил: – А вы не забыли, что он еще не прошел Ритуал? И что он не проходил Изменение?

– И что, Вожак? Как это может влиять на наше решение?

– На мое решение, Первый, на мое! – холодно кивнул Лаган. – Пока я – Вожак! А ты – мой советник! Вот когда я отойду от дел – ты будешь принимать решения!

– Я не претендую, Вожак! – Первый открыто взглянул в глаза Лагана, и тот усмехнулся.

«Как же, так и думаешь о том, как бы занять мое место! Впрочем, это будет скоро. Мне все это надоело... наверное – хватит. Всему когда-то настает конец».

– Хорошо, – удовлетворенно кивнул Лаган, глядя через плечо заместителя в окно, на плац, туда, где тренировались бойцы Второй и Третьей стаи. Парни стояли стройными рядами, перемещались по команде, по команде кричали на выдохе, оглашая воздух хриплым воплем, будто его издало многоголовое существо.

– Я поясню, – продолжил Вожак, выдержав паузу. – Парень не прошел Ритуал, потому его сознание не рассчитано на выполнение приказов. Он дикий. Мало того – его только что вывели из сумасшествия, и, похоже, безумие засело у него в голове, так до конца и не покинув мозга. Как выяснилось, его спровоцировали, оскорбив достоинство. Он не видел, кто подошел сзади, не понял, кто такие дежурные, и действовал в боевом режиме, так, как мы учим действовать наших бойцов. И кстати, замечу, он умудрился вывести из строя трех крепких парней, двое из которых прошли Изменение и тренировались уже около года. Вас ничего в этом не удивляет?

– Вообще-то удивляет. Парни были не последними на занятиях, – пожал плечами Третий. – Как они позволили себя завалить? Честно сказать, мне хочется дать им плетей. Оказалось, что они так жалки... Если любой, даже не став щенком, может их победить? Странная ситуация. Вожак, твое решение?

Лаган замер, прикрыв глаза. Он сидел так около минуты, потом, медленно подняв веки и окаменев лицом, сказал:

– Он будет наказан. Но... особым образом. Я хочу, чтобы все видели, что будет с тем, кто поднимет руку на командиров. Кто из полупсов отличается успехами в боевой подготовке? Первый? Твое мнение.

– Лерген. – Первый не задумался ни секунды. – Я вообще рекомендовал бы оставить его в Школе помощником мастера. Это прирожденный боец, лучший из лучших. За последние дни лучше его не было.

- Согласен! Согласен! - подтвердили Второй и Третий.

- Да, думаю, что это правда, - задумчиво кивнул Лаган. - Лерген очень силен.

- Вожак, неужели ты хочешь... - начал Первый и недоуменно покачал головой. - Это же неминуемая смерть нарушителя порядка.

- Так ты прикажи Лергену, чтобы он его не убивал, а как следует обработал. Чтобы парень получил порцию наказания, но при этом не потерял ни здоровья, ни жизни. А после того как все закончится, я хочу, чтобы Щенок стоял на ногах и мог получить свои десять плетей.

- Сложно будет, - пожал плечами Первый. - Лерген умеет только убивать, не рассчитает удара - и труп. Этот звереныш, конечно, заслуживает смерти, но... ты будешь недоволен, так, Вожак?

- Буду недоволен, - уголками рта усмехнулся Лаган. - Ты сомневаешься?

- Не сомневаюсь, Вожак.

Первый слегка скривил губы, и Лаган усмехнулся, не показывая виду - нет, далеко еще этому парню до него, Вожака, не умеет он как следует скрыть эмоции и мысли. Ведь сейчас он подумал о том, что, когда Лаган будет покидать свою должность Вожака, Император спросит его: «Кто станет твоим преемником? Кого ты видишь на своем месте?» И Вожак может назвать не Первого, а Второго или Третьего. И тогда уже ему никогда не стать Вожаком. Никогда. Глупец... если бы Лаган в самом начале знал, насколько это хлопотная, нервная и... страшная должность, возможно, никогда бы не стал стремиться ее занять! Лучше бы стал наемником, или простым служакой на границе, или командовал личной гвардией богатого вельможи... а может, стал бы купцом - а что, почему бы и нет?

При этой мысли Лаган снова усмехнулся - уж купцом-то не стал бы никогда. Это точно.

* * *

Сознание Щенка выплыло из темноты, и он ощутил щекой гладкую деревянную поверхность, отполированную боками сотен узников, ожидавших своей участи в этой небольшой камере. Очень болела, просто-таки разламывалась голова, хотелось пить, хотелось есть. Болело все тело, будто его крепко побили суковатыми палками.

Пощупал руками голову – на затылке вздулась огромная шишка, испачканная чем-то красным, пахнущим железом, окалиной и почему-то землей, как будто Щенка волоком тащили по мостовой.

Он помнил, как все было, помнил вспышку всепоглощающей ярости, когда в голове не осталось ни одной мысли, кроме: «Убить! Убить! Убить! Любой ценой! И будь, что будет...»

Что с ним случилось, он не понимал, не знал и не хотел знать. Да и как он мог рассуждать о происходящем в его голове, этот мальчишка, который не видел в жизни ничего, кроме рыбацкой деревни, леса, моря, отца с матерью, односельчан. Всего того, что соответствовало образу жизни простого деревенского паренька.

Адрус был неграмотен и не читал книг. Да и откуда взяться книгам в забытой Создателем деревне? Ну да, Адрус ходил на посиделки деревенских ребят, где рассказывали сказки о других странах, других мирах, ходил в храм, где жрец Создателя проповедовал о том, как нужно жить праведному человеку, но, честно сказать, мальчика мало интересовало то, что выходило за пределы его разумений. Рыбалка – это правильно, это важно. Охота? Как без охоты прожить? Без красного мяса не стать сильным – так говорил отец, лучший из мужчин, которых знал Адрус. Отца уважали, он входил в Совет – и как его не уважать, если он не только лучший охотник и рыбак, но еще и бывший воин из личной охраны Вождя клана!

Многие удивлялись – какого демона такой успешный, сильный человек бросил службу у Вождя и зажил жизнью простого деревенского мужика, да еще и со своей красавицей-женой, удалившись от интересной, веселой жизни, утонув в тине скучной, обыденной деревенской суеты?

Кто-то молчал – ведь это не его дело, как жить соседу. Кто-то напрямую спрашивал, натываясь на улыбку и молчание. Потом всем надоело спрашивать,

да и правда – кому какое дело, почему человек решил похоронить себя в глуши, на краю света?

В деревню отец Адруса пришел с ребенком на руках, с молодой женой и котомкой, в которой лежали деньги. Сколько денег – никто не знал, но их хватило, чтобы мужчина нанял работников для постройки крепкого, большого дома, купил лодку, купил все, что нужно для безбедной спокойной жизни.

Поговаривали, что бывший воин награбил сокровищ во время набегов на соседские кланы – ведь всякий знает, что в набегах можно недурно заработать. Или потерять жизнь.

Жизнь кланов всегда проходила в войне, в набегах – один вождь воевал с другим, заключая военные союзы с третьим, четвертым, пятым... Зачем? Вероятно, этого не знали и сами вожди. Власть, деньги, взаимные обиды – вот причина войн, как сказал однажды отец, когда Адрус задал ему этот вопрос. Больше он рассказывать ничего не стал – отмалчивался, улыбался в русую бороду и... все. Мать тоже ничего не говорила, особенно о том, что было до того, как их семья оказалась в деревне. Говорила – потом узнаешь, пока рано.

Щенок лежал и вспоминал прежнюю жизнь, тихо улыбаясь в полумраке камеры. Воспоминания казались такими странными, нереальными, будто все происходило не с ним, а с кем-то другим, с тем, о ком рассказывали в сказке на посиделках возле огромного дуба, что стоял за околицей деревни. Тут молодежь обычно жгла костер, сидя вокруг огня, ребята рассказывали сказки, истории, и во всех этих историях герой всегда побеждал злобного врага. Нигде не было сказано о том, как страшно и тяжело дышать в трюме рабовладельческого корабля, нигде не говорилось, как жить, если ты остался совсем один, если на твоих глазах убили отца и мать...

Адрус замер, окаменев. Перед глазами встала картина убийства матери, смуглое лицо убийцы, и в груди снова закипело – найти, убить! Закипевшая в жилах ярость толкнулась в голову, та заболела еще сильнее, заломила, заныла, и Щенок не услышал, как к двери камеры кто-то подошел и завозился у замка, звеня ключами.

– Вставай, выходи! – двое в темно-синей форме стояли перед топчаном, на котором лежал Адрус, и настороженно смотрели на «сумасшедшего». Их заранее

предупредили, что с ним нужно быть очень внимательными, если не хотят оказаться с перегрызенным горлом.

По всей школе прошел слух о ненормальном, который набросился на дежурных и попытался убить. А еще вдруг начали говорить, что этот Щенок – незаконный сын самого Вожака, и поэтому его до сих пор не заporоли до смерти.

Новость была, конечно, безумной, но, как все безумные новости, она набирала обороты, ширилась. И скоро даже те, кто смеялся, услышав это сообщение, задумывались и замолкали – кто знает, может, и правда? В жизни и не такие штуки случаются. Вон, все сказки переполнены потерявшимися, которых вдруг нечаянно нашли отцы. Почти все, кто был в Школе, – сироты, мечтающие об обретении семьи, даже те, родителей которых убили на их глазах. А вдруг выжили – думали они и представляли себе, как крепкие руки отца снова обнимают своего пропавшего сына...

Так что безумная новость о безумном Щенке упала на благодатную почву. И Школа шумела.

Адрус медленно поднялся с топчана. Нога его затекла, сделалась деревянной, зашлась болью, как если бы в нее вонзились тысячи мелких иголок. Он пошатнулся и едва не упал на одного из парней. Тот отшатнулся, будто ожидал, что злобный звереныш вдруг решил наброситься на него, понял свою ошибку, покосился на криво ухмыльнувшегося напарника и покраснел, как краснеют мальчишки, допустившие на людях ужасную неловкость. Такую, что ложится страшной тяжестью на хрупкие мальчишеские плечи, и тогда хоть в петлю – таким все кажется ужасным. Парень замахнулся на Щенка и едва не ударил по лицу. Едва – потому что руку парнишки остановил взгляд Щенка – тяжелый, исподлобья, обещающий огромные неприятности.

– Топай наружу! – с ненавистью бросил парень, и Адрус перешагнул порог камеры, направляясь по длинному коридору, между рядами однотипных дверей, окованных стальными полосами. Дверей было много – штук двадцать, не меньше, может, больше, но похоже, что все камеры пустовали. За дверями не было слышно дыхания, воздух в темнице свежий, и не было запаха нечистот. Как в трюме корабля, например...

Щенок шел, впитывая информацию, прислушиваясь, приглядываясь, сам не зная, для чего все это делает. Несмотря на то что его мозги были «поправлены» лекарем-магом, тот так и не смог вернуть мальчишку в то состояние, в котором Адрус пребывал до набега. Если еще точнее – того, домашнего, обычного мальчика уже не было и, скорее всего, никогда не будет. В результате лечения Щенок получил назад свои детские воспоминания, при этом оставшись Щенком, Зверенышем, борющимся за свою жизнь ради одной-единственной цели – отомстить. И хотя прежние воспоминания воздействовали на сознание парня смягчающе, возвращая в человеческий облик, они еще не смогли устояться в голове до такой степени, чтобы воздействовать на поведение. Если раньше он был просто Зверенышем, бессловесным, яростным, диким, то теперь Щенок получил возможность разговаривать, не лишившись способности и желания рвать врага до победного конца.

Две личности, Щенок и Адрус, пока не спаялись, не влились друг в друга, и возможно, этого никогда не произойдет.

Его вывели на плац, туда, где выстроилось больше шести сотен учащихся и учителей, стоящих ровным квадратом посреди широкой площадки. В центре квадрата находился столб, к которому привязывали тех, кто должен был понести наказание. «Столб позора» – так его называли в Школе.

Это был обычный столб, вкопанный в землю и ошкуренный руками рабочих. От своих собратьев-столбов, честно служащих человеку и обычно работавших опорой забора, он отличался перекладиной на уровне человеческого роста над землей, и еще одной перекладиной повыше, на два роста. К первой привязывали руки нарушителя порядка, когда наказывали плетью, ко второй привязывали преступника, заслуживающего смерти.

Обычно подвешивали на несколько дней, на строго определенное время. Если выживал, то мог вернуться в строй – кто может противиться воле богов? Если боги решили, что этот человек достоин жизни, то люди должны принять их решение, не протестуя и не задавая вопросов.

Впрочем, на памяти людей еще ни один распятый на длительный срок не выживал без того, чтобы не сойти с ума, так что этот закон был фиктивным – какое там вернуться в строй, когда тот, кого сняли с креста, рычал, кидался на людей или же просто тупо смотрел на мир, пуская слюни, превращаясь в идиота.

«Неделя на палящем солнце без капли воды – это вам не отдых в общественных банях с прохладительными напитками!» – как некогда говаривал бывший Вожак, у которого Лаган принял правление Школой.

Щенка поставили к столбу, но привязывать не стали, хотя этого ожидали все любопытные, возбужденные, замершие в ровном строю, как глиняные статуи у въезда на городской рынок. Весь плац замер. Тишину нарушали лишь пестрые зелено-красные птички, со свистом пронесившиеся над людьми, потевшими под жгучими полуденными лучами. Запах пота привлек мух, мухи служили кормом птицам, так что чем дальше стояли ряды бойцов, тем больше птиц носилось над бойцами. И это нарушало пафос ситуации – птички не только носились над головами, они еще на них гадили, вызывая тихое шипение и ругань парней, незаметно стиравших с беретов едкое белое дерьмо.

Лаган будто нарочно все не начинал церемонию наказания, как если бы хотел, чтобы бравое воинство подольше помучилось на солнцепеке и отправилось по казармам, унося в головах и на головах как можно больше дерьма, которое норовит накидать начальство и сама жизнь.

Наконец, Вожак открыл рот, набрав воздуха полной грудью, и громко сказал, стараясь говорить важно, весомо, так, чтобы запомнилось всем будущим поколениям:

– Совершенно преступление! На двух дежурных, находящихся на службе, напал вот этот человек, которого называют Звером! Он нанес им повреждения, которые не закончились смертью, но были достаточно серьезны, чтобы прибегнуть к услугам лекаря! За это он понесет наказание, такое, чтобы вы запомнили надолго! Приказываю, первое: если Звер так любит драться, считает себя достаточно сильным для того, чтобы напасть на ученика Школы Псов, пусть выйдет на бой с тем, кто прошел обучение нашими мастерами. Второе! По окончании поединка, вне зависимости от его исхода, Звер приговаривается к распятию сроком на сутки! Если после поединка и распятия он останется жив, то пройдет Ритуал, как и все те, кто недавно прибыл в нашу Школу, чтобы стать одним из нас.

– Пропал Звер! – шепнул один из полупсов, почти не двигая губами, скосив глаза на соседа, такого же, как он, крепенького парнишку с полным добродушным лицом. – Это же Лерген! Против него никто не устоит!

– Значит, на столб подвесят труп, – тихо фыркнул «добродушный». – Тебе-то какое до него дело? Он даже не Щенок, никто! Говорят – совсем безумный парнишка! Вот так, одним прекрасным вечером будешь идти в сортир, а он сзади напрыгнет и вцепится в затылок, чтобы полакомиться твоим тухлым мозгом! Пусть лучше прибьют его сразу, чем ходить и оглядываться! Вон их сколько стоят... придурочных. Еще не поняли, куда попали! Даже строй не могут держать, стадо овец!

– Заткнитесь оба! – угрожающе оглянулся Звеньевой. – Опять разговоры в строю?! По три плети каждому, по окончании церемонии!

– Хе-хе... дураки! – фыркнул кто-то позади двух несчастных, нарвавшихся на порку, и снова в строю стало тихо, только тяжелое дыхание да посвист птиц, проносящихся над головами.

Щенок слушал слова Вожака и думал о том, что он мог бы покончить с этим делом быстро, – достаточно прыгнуть на седовласого человека, рассказывающего о его преступлении, вцепиться в глотку, и тогда тот вынужден будет убить. Вот только кто тогда отомстит виновным в гибели родителей? Воин, убивший отца и мать, работорговец, который организовал этот набег, – эти два человека заслуживали смерти. Они обязательно должны были умереть.

Второе имя появилось в списке Щенка после размышлений на топчане темницы. Он вдруг понял – воин, конечно, прибыл сюда не сам! Кто-то ведь его привез? Кто? Тот, кто все организовал! И Адрус знал, кто это. Мерзкий, волосатый и широкоплечий коротышка, демон в человеческом обличье. Щенок видел его не раз, слышал разговоры у клетки, и теперь они всплыли в мозгу. Из сказанного было ясно – именно он, коротышка, тот самый негодяй, виновник несчастий его народа, народа ростов!

«Помни, ты – рост!» – кричала мама, и Щенок помнил. Рост не должен сдаваться! Рост должен вынести все, выжить и убить врагов! Выжить и убить!

– Иди и бейся! Покажи, что умеешь! – седовласый кивнул головой, и двое позади Щенка подтолкнули его к высокому стройному парню, с улыбкой наблюдавшему за голубоглазым мальчишкой, совсем не выглядевшим зверенышем, о котором уже ходили легенды в Школе. Здесь умели ценить тех, кто убивает, не задумываясь, страшно и эффективно.

Лаган дал понять бойцу, что не хочет преждевременной гибели преступника. Лерген должен как следует измочалить нарушителя порядка, превратив его в кусок мяса, но так, чтобы не повредить жизненно важных органов, не сломать кости, и чтобы Щенок прожил на столбе минимум сутки. Преступление, совершенное Зверенышем, конечно, очень серьезно, но, во-первых, дежурные остались живы, а, во-вторых, стыдно не справиться с необученным рабом, купленным на торгах, как обычная жалкая овца.

Кстати сказать, Лаган подумывал о том, чтобы дать плетей и дежурным, – они унизили Школу, поддавшись простому мальчишке. Плохо учились, раз такое произошло. После раздумий он пришел к выводу, что эти двое заслуживают по три плети каждый.

Того, кто вызвал переполох, – парня, оскорбившего Щенка, Лаган решил не наказывать. Во-первых, он и так получил свое – Щенок вырвал ему едва ли не половину щеки, и парень никогда теперь не будет красавцем, а кроме того, у него были сломаны ребра, так, что пришлось вмешаться магу-лекарю.

Щенок внимательно посмотрел на улыбающегося соперника, ему совсем не хотелось бить этого парня. Он был похож на соседа, веселого рыбака, который одним из первых погиб, пытаясь защитить двух сестренок, оказавшихся потом в трюме страшного корабля. Худощавый, светловолосый, голубоглазый – типичный рост. Ничего от врага, от их мерзкого племени, ничего такого, за что можно было бы возненавидеть и убить.

Противник шагнул вперед и, так же улыбаясь, как и раньше, сделал неуловимо быстрое движение и ткнул Щенка куда-то в подреберье так больно, что в глазах потемнело и затошнило. Адрус не удержался и застонал, вернее, замычал сквозь сжатые зубы, шагнул назад, держась за бок, но парень, еще шире улыбнувшись, догнал его и хлестнул по лицу тыльной стороной ладони, в кровь разбивая губы. Потом последовал удар ногой в голень, онемевшую от боли, удар в грудь, едва не остановивший сердце.

Щенок пытался защищаться, остановить удары, увернуться, но они сыпались так часто, так точно, что он ничего не мог с этим поделать. Перед глазами так и стояло лицо соседа, закрывшего грудью двух девчонок, прижавшихся к стене дома...

И только когда очередной удар едва не сломал ему нос, Звереныш выскочил из подсознания, отодвинув Адруса назад, в прошлое, туда, где счастливая жизнь, где все живы и никого не выставляют на помосте раздетыми догола под глумливый шум жадной и похотливой толпы.

Звереныш легко уклонился от очередного ленивого, не смертельного, но болезненного удара. Он перехватил руку улыбающегося парня, и в мгновение ока улыбка слетела с лица мастера боя – Звереныш зажал эту руку так, будто это был не голубоглазый домашний мальчик, а лесной зверь с железными когтями и стальными мышцами.

Пальцы мальчишки с такой силой сжали тренированные мускулы Лергена, что прорвали плотную ткань и вонзились в плоть, раздирая ее, добираясь до хрупкой человеческой кости, которую можно легко сломать, если приложить силу в определенном месте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/evgeniy-schepetnov/zverenysh>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)